

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1

по версии New York Times

КАРЕН УАЙТ

Между прошлым и будущим

Интригующая,
романтическая история –
о семье, любви
и искуплении.

Booklist

Зарубежный романтический бестселлер

Карен Уайт

Между прошлым и будущим

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Уайт К.

Между прошлым и будущим / К. Уайт — «Эксмо»,
2013 — (Зарубежный романтический бестселлер)

ISBN 978-5-699-97209-8

Жизни двух сестер, Элеонор и Евы, изменил несчастный случай, полет, который длился всего несколько секунд, но перечеркнул все их мечты и взаимное доверие. Элеонор виновата перед сестрой. Это чувство растет в ней с каждым днем – ведь кроме прочего она тайно влюблена в мужа Евы, Глена. Элеонор изо всех сил гонит от себя мысли о Глене, играет по вечерам в баре на фортепьяно и мечтает стать настоящей пианисткой. Это всего лишь фантазия, но однажды ее музыку слышит Финн Бофейн, ее шеф, и предлагает необычную сделку. Элеонор могла бы согласиться, но ей не дает покоя мысль, что Финн до странности хорошо осведомлен о ее прошлом. Связано ли это как-то с ее детством, с ее семьей, сестрой и – с полетом?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-97209-8

© Уайт К., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	6
Элеонор	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	24
Ева	24
Элеонор	28
Глава 6	30
Глава 7	38
Хелена	38
Элеонор	41
Глава 8	45
Глава 9	51
Ева	54
Глава 10	59
Элеонор	59
Хелена	64
Глава 11	68
Элеонор	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Карен Уайт

Между прошлым и будущим

Karen White

The Time Between

Copyright © Harley House Books, LLC, 2013

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with NAL Signet, a member of Penguin Group (USA) LLC, a Penguin Random House Company.

© В. Бологова, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Элеонор

Впервые я умерла тем самым летом, когда мне исполнилось семнадцать. Я помню, воздух тогда был настолько раскаленный, что можно было почувствовать сладковатый сернистый запах спекшейся на солнце глины – резкий и почти пугающий. Высокие, полностью лишенные листьев стебли зубровки стояли, бессильно свесив метелки. Помню медный привкус крови во рту, когда поднималась над своим искореженным телом, распластавшимся, словно тряпичная кукла, у проселочной дороги. «*Отпустите меня*», – думала я, паря над землей, невесомая, как перышко. И все же проблески сознания и мысль о божьей каре все еще связывали меня с земной жизнью незримыми нитями, тонкими, словно осенняя паутинка. Еще до того, как я услышала вой сирен и отчаянные крики матери, я уже поняла, что мой полет не будет долгим и в загробном мире я не задержусь.

Повиснув между земным и лучшим миром, я наблюдала, как мать склонилась над телом моей сестры Евы, ноги которой были неестественно вывернуты. Два сотрудника «Скорой помощи» суетились вокруг нее, причем один из них тщетно пытался оттащить от пострадавшей мать. В этот момент второй заметил меня, хотя мое тело и было скрыто густым придорожным кустарником. Он опустился на корточки рядом со мной и попытался нащупать пульс. Надо сказать, я ничего не чувствовала и пассивно наблюдала за всем происходящим, словно смотрела странный кинофильм.

Врач был очень молод, с густыми светлыми волосами на голове и мускулистых руках, блестящими на солнце и почему-то напоминавшими мне колосья зубровки. Я была так поглощена своим наблюдением за ним, что не заметила, как он начал делать мне искусственное дыхание. По-прежнему никаких ощущений. Теперь я пристально смотрела на сестру и мать, которая даже не удостоила меня ни единым взглядом. Впрочем, ничего иного я от нее и не ожидала.

А еще там был Глен – высокий, стройный и сильный, который в отчаянии и бессилии метался между мной и Евой, и от его стремительных шагов взметались клубы пыли.

Я вдруг услышала, как меня позвали по имени, и на какое-то мгновение подумала, что это, должно быть, пришел отец, чтобы забрать меня с собой, увести от этих двух поломанных девушек, вопящей матери и раскаленного воздуха, наплывавшего горячими плотными волнами. Мухи с жужжанием облепили тоненькую струйку крови, текущую из моего приоткрытого рта, но я не слышала и не чувствовала их прикосновения. Я подумала, что неплохо было бы, если бы кто-то их прихлопнул, и тут мой взгляд неожиданно упал на деревянную церквушку, спрятавшуюся за деревьями. Когда мы с Евой ехали на велосипедах по проселочной дороге, хохоча, словно маленькие девчонки, которыми когда-то были, я не видела там никакого здания, хотя, казалось, его невозможно было не заметить.

Ослепительно-белые стены и высокая колокольня сияли под беспощадными солнечными лучами, словно излучая благодать. Над красной арочной дверью были написаны слова молитвы, ржавая калитка в ограде покачивалась, словно через нее проходили души усопших. Но церкви просто не могло быть там, где она сейчас пряталась, – между гигантскими дубами и ярко-зеленым кустарником. Тем не менее белые стены сверкали на солнце, словно были только вчера покрашены, и деревянные ступеньки, ведущие ко входу – отполированные и вытертые тысячами ног, – казались вполне реальными. На нижней ступеньке сидела крупная женщина с кожей цвета древесного угля и плела корзину из стеблей зубровки. Она на меня не смотрела, но я была уверена, что именно она позвала меня по имени.

«*Кто вы?*» – хотела спросить ее я, но все, что я могла, – это смотреть, как ее пальцы ловко перебирают стебли травы, рождая причудливый орнамент. Наконец она взяла корзинку, поднялась на ноги и направилась к тому месту, где лежала я. Женщина на мгновение остановилась и посмотрела на меня. Ее тень, словно ангел милосердия, закрыла мое тело, спасая от палящих солнечных лучей. Незнакомка медленно опустилась на колени рядом с врачом и склонилась прямо надо мной. Он, казалось, не заметил ее, когда она наклонилась к моему уху. Ее слова прозвучали очень ясно, и мне показалось, что прохладный ветерок от ее губ коснулся моей щеки, когда она произнесла:

– Глаза закрыты, но не спишь, а попрощавшись, не уходишь.

Страшная боль обрушилась на меня, словно резкий удар кулака, когда меня рвануло к земле и начало втягивать в тело, в котором моя душа обитала уже семнадцать лет. Я сделала глубокий судорожный вдох, и воздух, показавшийся мне ледяным, чуть не разорвал легкие. Открыв глаза, я встретила взглядом с голубоглазым врачом, вздрогнувшим от неожиданности. Я повернула голову в поисках неизвестной женщины, но она исчезла, как и белоснежная церковь. Лишь все еще стоявший в ушах скрип ржавой калитки и навязчивый запах опаленной солнцем зубровки напоминали о ней.

Мать без умолку выкрикивала имя сестры, а я лежала, уставившись в ясное синее небо, где медленно кружила белая цапля.

«Глаза закрыты, но не спишь, а попрощавшись, не уходишь».

Я не знала, что хотела сказать мне таинственная женщина, произнося эти слова, но подумала лишь, что мне даровали новую жизнь, чтобы я могла осознать их смысл.

Глава 2

Глен терпеливо ждал, пока я не без труда карабкалась на обшарпанное крыльцо нашего дома в Северном Чарльстоне с сумками, набитыми продуктами, зажав при этом в руке сдачу от автобусного билета.

– Что-то ты задержалась, – мягко произнес Глен, подходя ко мне. Грациозные движения и длинные стройные ноги делали его похожим на танцора.

Вот эти самые длинные ноги и спасли жизнь Евы – а возможно, и мою собственную – в тот самый знойный летний день много лет назад. Он быстро сбегал за помощью, а потом, в старших классах и на первых двух курсах колледжа, благодаря этим выдающимся ногам стал звездой на беговой дорожке. Он никогда не принадлежал мне, даже в те времена. С первой минуты, как Ева увидела его потягивающим кока-колу с друзьями из кадетского корпуса «Цитадель» в кафе «Каролина», она забрала его сердце.

Я улынулась ему, но улыбка растворилась в полутьме.

– Мистер Бофейн попросил, чтобы я закончила проект до его ухода.

Глен принял из моих рук один из пакетов, его пальцы задержались на моей руке.

Он стоял совсем рядом, я могла вдыхать его запах, видеть влажные завитки темных волос, падающие на воротник рубашки. Он был все еще в галстук. Интересно, он только что пришел и просто еще не успел зайти в дом или же сидел здесь в ожидании моего появления?

– Как дела, Элеонор? Расскажи все как есть. Мы ведь в последнее время так редко видимся.

Я занервничала и бросила быстрый взгляд на окна.

– Прекрати, – сказала я, знакомое слово прозвучало резко, полоснув ночной воздух, как лезвие бритвы.

Голос Глена был приглушенным, как будто он не хотел, чтобы нас подслушали.

– Я же не делаю ничего предосудительного, Элеонор. Поверь, я никогда не поставлю тебя в неловкое положение.

– Прекрати, – повторила я, отворачиваясь, но все еще чувствуя его прикосновение. Кажется, его пристальный взгляд прожигал мне спину.

В этот момент мать распахнула дверь.

– Мы тут уже чуть с ума не сошли, ожидая тебя. Где тебя носило? Твоя сестра чуть не умерла с голоду, а я, как тебе известно, не могу принимать лекарство на голодный желудок.

Она взяла у меня из рук второй пакет с продуктами, а я украдкой бросила взгляд на Глена, который лишь слегка пожал плечами в знак сочувствия.

Ева сидела в инвалидном кресле на остекленной веранде, где когда-то недолго стоял рояль. Когда мы жили на острове Эдисто, моим любимым занятием было сидеть за роялем рядом с отцом, чувствуя восхитительный запах моря и солнца, исходивший от него. Руки отца были обветренными, с кожей, загрубевшей от морских снастей и сетей для ловли креветок. Тем не менее пальцы его были на удивление изящны и обладали магической силой превращать ноты в полные жизни мелодии поразительной красоты. У него не было никакого музыкального образования, но он научил меня видеть музыку внутренним взором, чувствовать ее сердцем, и черные знаки на нотных листах рождали возвышающие душу звуки. Он покупал учебники, чтобы я могла научиться читать ноты, но его уроки дали мне гораздо больше для постижения красоты музыки. В то время как мать таскала Еву с одного конкурса красоты на другой, отец строил планы моего поступления в Джульярдскую музыкальную школу в Нью-Йорке.

Ева подняла на меня глаза.

– Привет, Элеонор. А мы уже начали думать, что ты вовсе не собираешься возвращаться домой.

Я сбросила жакет и повесила его на спинку стула, оставив ее язвительное замечание без ответа. Ведь я только об этом и думала, когда ехала из центра Чарльстона в древнем «Бьюике Регал» своей старой подруги и коллеги Люси Коакли, а потом тряслась в обшарпанном переполненном автобусе, который швыряло из стороны в сторону.

– Прошу прощения. Пришлось задержаться на работе.

Несмотря на все протесты Люси, я настояла на плате за то, что ей пришлось целых два часа ждать, пока я не закончу работу. Но об этом им тоже вовсе не следует знать.

Между бровями Евы появилась тоненькая морщинка.

– Тебе бы следовало намекнуть мистеру Бофейну, что следует оплачивать сверхурочную работу, если ты задерживаешься после пяти.

Я подумала о своем боссе, который был лишь немногим старше меня. Это был серьезный мужчина с серо-голубыми глазами и спокойными манерами. Он даже иногда приносил мне еду, когда я не успевала пообедать, и никогда не задавал лишних вопросов по поводу опозданий и ранних уходов. Мистер Бофейн был в курсе, что мне надо водить сестру по врачам, и, хотя я ровным счетом ничего не знала о его личной жизни, за исключением того, что он был разведен и воспитывал маленькую дочь, казалось, всегда с пониманием относился к моему вынужденному отсутствию.

– Спасибо за совет. Я непременно скажу ему об этом, – сказала я, старательно избегая встречаться взглядом с сестрой и поэтому вглядываясь в большое окно позади нее. Оттуда открывался вид на небольшой сад на заднем дворе, за которым когда-то любовно ухаживала мать, пока ее совсем не замучил артрит. С тех пор сад одичал, и, надо сказать, в таком виде он был мне больше по душе – мне нравились буйные побеги дикого винограда, которые обвивали погнутую и весьма потрепанную временем решетку беседки, отчаянно цепляясь за нее, словно дитя за юбку мачехи. Это была целая симфония неожиданных сочетаний цветов на заброшенных клумбах, которые, казалось, не имели права на существование – неухоженный сад рождал новые, доселе не слышанные аккорды. Когда я оказывалась посреди этого дикого великолепия, мне всегда чудилось, что я могу слышать музыку цветов и растений, полновластно царящих там.

Я снова перевела взгляд на бледное лицо сестры с совершенными чертами и увидела, как она подняла подбородок, чтобы Глен мог коснуться ее губ. Ее изящная ручка с золотым кольцом на безымянном пальце цепко держала его руку. Она напоминала фарфоровую куклу – белоснежная кожа, фиалковые глаза, иссиня-черные волосы, точь-в-точь как были когда-то у нашей матери, длинные тонкие ноги и руки. На ней было бледно-лиловое шелковое домашнее платье, переделанное самой Евой из платьев, в которых она когда-то участвовала в конкурсах красоты, оттеняющее ее удивительные глаза и нежную кожу. При встрече с ней многие видели лишь необыкновенную красоту, по злой иронии судьбы прикованную к инвалидному креслу, тонкие лодыжки и бесполезные неподвижные ноги. Но это была лишь завеса, не позволяющая им разглядеть железную решимость во взгляде и непреклонный характер, не умеющий прощать.

Возможно, я видела все это лишь потому, что мне позволяли видеть. Мать скрылась на кухне, продолжая ворчать.

– Еве надо искупаться на ночь. У нее весь день болела голова, и, думаю, ей не помешает массаж, который ты так хорошо умеешь делать.

Я последовала за ней на кухню, на ходу закатывая рукава. У меня не было времени переодеться, и оставалось надеяться, что запах жареной курицы не пропитает мой деловой костюм. У меня были две добротные юбки, и я меняла их в разных сочетаниях с пятью блузками. Было сложно представить, что запах пережаренного жира будет благосклонно воспринят коллегами из инвестиционной компании «Бофейн и партнеры».

Я принялась смешивать муку, соль и яйца для кляра, а мама в это время мыла в облупленной фарфоровой раковине цыпленка. Я тихо напевала про себя, пытаюсь выдержать ритм симфонии, которая, казалось, всегда играла у меня в голове. Мать выключила кран. Она вытирала цыпленка бумажным полотенцем и казалась полностью поглощенной этим занятием.

– А ты сегодня разве не играешь у Пита?

Обмакнуть, встряхнуть, повернуть. Я сосредоточилась на процессе покрывания курицы кляром в надежде скрыть легкую дрожь в руках.

– Почему-то Пит сегодня не позвонил. Думаю, они нашли другого пианиста, который может приходиться регулярнее. Кроме того, надо искупать Еву.

На сковородке зашипел жир, мать отбросила с лица волнистую прядь седеющих волос. Был лишь конец мая, но знойное чарльстонское лето уже заявляло свои права, пытаюсь задуть город в своих жарких объятиях.

– Элеонор, а с каких это пор ты ждешь его звонка? Просто приди и поиграй пару часов. Ведь он неплохо платит. Поможешь Еве принять ванну с утра, до того, как уйдешь на работу.

Я вытерла лоб рукой, пытаюсь смахнуть капельки пота.

– Я действительно устала сегодня, мама. Не знаю, стоит ли идти туда.

Ее молчание было красноречивее всяких слов. Оно словно кричало, напоминая о том жарком лете четырнадцать лет назад, когда я убила все ее мечты.

– Ты же можешь взять такси, – сказала она не допускающим возражений тоном, словно уже победила меня в этом споре, и, если честно, так оно и было.

Обмакнуть, встряхнуть, повернуть.

– Хорошо, мама, – сказала я, укладывая первый куриный окорочок на сковородку и наблюдая, как его кожа пузырится в кипящем масле.

После ужина, который прошел в относительном молчании, я смахнула с тарелок остатки еды и отправилась в свою комнату переодеться. Я натянула красное атласное платье с довольно низким декольте, которое плотно облегало мое тело. Мать переделала его из вечернего платья Евы, когда узнала, что в баре Пита в Северном Чарльстоне ищут пианиста, который мог бы играть там по вечерам и в выходные, чтобы случайно забредшие посетители задерживались послушать музыку и покупали больше напитков.

Глен вскочил на ноги.

– Я забыл на переднем сиденье пиджак и кошелек. Дай-ка я их заберу, пока ты еще не уехала.

Он схватил ключи со стола в прихожей.

Глаза Евы сверкнули, когда она увидела, как Глен выходит вместе со мной из двери, ведущей на крыльцо. Он прошел по ступенькам до обочины, где была припаркована его машина, нарочито стараясь не прикасаться ко мне, и сунул ключи мне в руки.

– Ты вовсе не обязана ехать туда, Элеонор.

Неужели он догадывается? Я пристально посмотрела в его глаза – он говорил совершенно искренне.

– Это всего лишь на пару часов.

Я опустила глаза на руки с коротко обрезанными ногтями – все эти годы я была верна этой привычке.

– Ты не обязана туда ехать, – повторил он так тихо, что я едва смогла разобрать слова, и теперь была уверена – он знал, что, как только смолкнут звуки фортепьяно, я снова примусь искать кого-нибудь, кто смог бы дать мне то, чего он никогда не сможет. Я ненавидела себя за эту слабость, за неспособность принять справедливое наказание и жить той жизнью, которая была уготована мне судьбой. Но не в силах была забыть музыку, которую в те далекие годы дарил мне отец, и отбросить мечты, которые отказывались умирать. Когда-то я была словно бесстрашный Икар, в своем порыве слишком близко подлетевший к солнцу, и в эти вечера,

сидя за пианино в полном сигаретного дыма баре, видя мужчин, которые бросали на меня печальные, полные восхищения взгляды, я могла позволить себе поверить – лишь на короткое мгновение, – что мой полет все еще продолжается.

В ночном воздухе почти неуловимо пахло звездчатым жасмином, и волны упоительного аромата то появлялись, то исчезали, словно жало змеи. Я положила ладонь на ручку дверцы, и Глен сделал шаг ко мне. Я вздрогнула от резкого движения, а он поднял руку и больно хлопнул меня по руке. Он поднял руку, под его ладонью обнаружился раздавленный mosquito, обгаряющий кожу моей же кровью. Глен вытащил из кармана платок и, осторожно придерживая мою руку, принялся вытирать отвратительное месиво. Его нежные прикосновения были столь же невыносимы, как и боль от шлепка.

Я залезла в машину, достала пиджак, карман которого оттягивал тяжелый кошелек, и вручила Глену. Наши глаза встретились, и я подумала: неужели в моих глазах такая же покорность судьбе, как и в его?

– Так будет не всегда, – едва слышно произнес он. – Я скоро получу диплом, перейду на более высокую должность и буду получать приличные деньги. Все изменится.

– Неужели? – сказала я, проскальзывая на водительское место. Глядя сквозь ветровое стекло, я могла видеть инвалидное кресло, в котором сидела Ева, и печальные глаза матери.

– Только не надо ждать, когда я вернусь, – сказала я и захлопнула дверь, зная, что он будет лежать без сна рядом с Евой, прислушиваясь, не раздаются ли мои шаги на крыльце, и представляя чужой мужской запах на моей коже. Я, не оглядываясь, отъехала от обочины. Слушая шум шин на мостовой, я вспоминала слова женщины из своего видения: *«Глаза закрыты, но не спишь, а попрощавшись, не уходишь»*.

Меня захлестнуло всепоглощающее чувство поражения и отчаяния, когда я поняла, что была так же далека от понимания смысла этих слов, как и в тот день, когда прикоснулась к солнцу и была грубо сброшена на землю, где разбились все мои мечты.

Глава 3

Я сидела на скамейке у пианино в дальнем уголке бара Пита и потягивала уже третий стакан шотландского виски с содовой, чувствуя, как контуры моего мира становятся все более расплывчатыми. Я никогда не напивалась настолько, чтобы быть не в состоянии играть, но все же иногда бывала изрядно навеселе. Бар постепенно пустел – посетители уходили, оставляя в спертом воздухе тяжелый запах одиночества и облака сигаретного дыма, которые клубились вокруг вентиляторов на потолке, словно заблудившиеся призраки, тщетно пытающиеся вырваться на свободу.

Осушив стакан, я поставила его на крышку пианино и привычно расправила пальцы над белыми клавишами. Пальцы у меня были длинными, как и у отца, и я с семилетнего возраста легко могла взять октаву. В отличие от остального тела, руки не сильно изменились за прошедшие с того времени годы, за исключением небольшого шрама на конце указательного пальца правой руки – еще одного напоминания о том, что я сделала с Евой.

За соседним столом сидел мужчина средних лет с печальными глазами и покрасневшими веками, который непрерывно в упор глазел на меня. Ворот его рубашки был несвежим, галстук покрыт пятнами, но, когда я начинала играть, музыка всегда превращала окружающих в тех, которыми мы когда-то мечтали стать.

Следуя традиции, я исполняла композицию «Летняя пора» Гершвина, не требующую особых усилий ни от меня, ни от моих слушателей. Иногда, когда я играла эту вещь, ко мне шатающейся походкой подходил какой-нибудь подвыпивший посетитель бара и начинал подпевать, с трудом вспоминая слова. На этот раз мне никто не надоедал, и казалось, в баре лишь я, музыка и мужчина с печальными глазами. Он разорвал на мелкие кусочки этикетку с пивной бутылки и теперь занимался тем, что скручивал их в трубочки. Я была уверена, что он собирается с духом, чтобы подойти ко мне – видела подобную сцену уже много раз и безошибочно распознавала признаки.

Я снова сосредоточилась на музыке и словно услышала в голове звучный баритон отца, певшего эту песню молодой матери, которая еще не потеряла ни красоты, ни способности мечтать и еще не научилась улыбаться. Я почувствовала, что на моих губах появляется кривая усмешка, а мои пальцы в это время перебирали ноты заключительного аккорда, пока не прозвучала последняя. Для усиления эффекта я нажала на педаль, и звук растаял, словно дымок от задутной свечки на именинном торте.

Не успев оторвать пальцы от клавиш, я почувствовала рядом с собой присутствие незнакомца – дыхание, отдающее пивом, табаком и мятной жевательной резинкой, которой он все это наскоро зажевал. Повернувшись, я встретилась с ним взглядом. Когда-то он, вероятно, был весьма привлекательным мужчиной. Однако жизнь и ее невзгоды наложили свой отпечаток на его лицо, изрисовав его глубокими бороздами и тонкими морщинами. Оно было словно испи-санная страница, где каждое слово выводили с усилием.

И еще я заметила, что в баре у Пита оказалось не так пусто, как я думала. На высоком стуле у барной стойки сидел еще один мужчина, лицо которого скрывалось в тени. И все же что-то в его облике – форма головы, широкие плечи – показалось мне смутно знакомым. Я часто заморгала, раздраженная тем, что не могла его как следует разглядеть. По крайней мере, он явно не выглядел заведомо заведением. Его спина не была сгорбленной, как у большинства неудачников, брюки тщательно выглажены, с аккуратной стрелкой посередине, а ботинки начищены до матового блеска.

Кто-то смущенно закашлялся рядом со мной.

– Извините...

Я подняла глаза и одарила незнакомца улыбкой, представляя ощущение прикосновения его рук к моей коже.

– Да?

Он снова кашлянул, чтобы прочистить горло, и неуверенно улыбнулся.

– Вы тут так давно играете, и я подумал, что вы, должно быть, проголодались. Если это... это так, не хотели бы вы присоединиться ко мне? Я имею в виду, поужинать?

Я повернула запястье, чтобы посмотреть на часы. Время близилось к полуночи. Весь вечер я довольствовалась виски с содовой, и желудок уже сводило от голода.

– Я уже закончила, поэтому, пожалуйста, не откажусь.

Подняв со скамейки сумочку, я встала. Пришлось ухватиться за пианино, чтобы удержать равновесие. Я выгребла содержимое коробочки для чайных и осторожно переместила его в сумочку. Улыбка по-прежнему не сходила с моего лица.

– Извините, покину вас на минутку, мне надо попудрить носик.

Я прикоснулась к его руке, и наши глаза встретились. Его взгляд был полон понимания. Сосредоточившись на том, чтобы ноги на высоченных каблуках не заплетались, я направилась к дамской комнате. Проходя мимо барной стойки, я вдруг почувствовала, как кто-то крепко схватил меня за руку.

– Это вы, Элеонор?

Эти слова были произнесены вопросительным тоном, но у меня уже не было сомнений, кто это – я узнала голос.

Я повернулась к нему слишком быстро. Голова закружилась, я выбросила вперед руку, чтобы удержать равновесие, и обнаружила, что ухватила за рукав добротного габардинового пиджака и теперь смотрю в темно-серые глаза своего начальника, мистера Бофейна. Я дважды моргнула, словно от этого видение могло исчезнуть, и, поняв, что все еще цепляюсь за его рукав, быстро разжала пальцы.

– О, это вы, мистер Бофейн? – заикаясь, промямлила я немеющим языком. – Не знала, что вы живете поблизости.

Взгляд его был по-прежнему жестким, но я заметила, что уголки губ слегка дрогнули, словно он пытался сдержать улыбку.

– Да нет, просто у меня была здесь деловая встреча, и после этого захотелось выпить что-нибудь, чтобы расслабиться.

Мои брови от удивления поползли вверх. Даже в таком не совсем трезвом состоянии я не могла представить, что в *этой* округе водятся бизнесмены, которые могли бы заинтересовать мистера Бофейна.

Он бросил взгляд за мою спину, в сторону пианино, где нетерпеливо переминался с ноги на ногу пытавшийся заигрывать со мной незнакомец.

– Я провожу даму домой, – неожиданно громко произнес вдруг мой босс.

– Вы не имеете права...

– Вы пьяны, Элеонор, – резко прервал он меня. – Не думаю, что вам следует покидать бар в компании незнакомца.

Тут я почувствовала, как во мне сквозь дымку алкогольной эйфории поднимается гнев.

– Откуда вы знаете, что мы с ним не знакомы?

Босс не удостоил меня ответом. Тут мы услышали, как с громким стуком захлопывается дверь, и я поняла, что даже не спросила, как зовут незнакомца.

– Я отвезу вас домой, – уже спокойнее, ну или, по крайней мере, без раздражения произнес мистер Бофейн.

– Но я приехала на своей машине, – запротестовала я, все еще избегая встречаться с ним взглядом.

– Вы не в том состоянии, чтобы вести машину. И я предпочитаю отвезти вас домой в целости и сохранности, чем лежать всю ночь без сна и думать, что с вами что-нибудь случилось.

Мои щеки вспыхнули при мысли о том, что он будет лежать без сна и думать обо *мне*.

– Но мужу сестры утром понадобится машина, – продолжала возражать я, отчаянно пытаюсь как-то выкрутиться из этого неловкого положения.

– В какое время он обычно уезжает?

– В девять утра, – ответила я в полной уверенности, что все его благие намерения закончатся, когда я назову ему свой адрес. Из его дома в районе Брод в южной части города довольно сложно добраться до нашего места обитания на севере Чарльстона. Я точно знала, где жил босс, потому что как-то Люси провезла меня мимо его роскошного старинного особняка на улице Гиббс. Было очевидно, что его обитатели столь же далеки от мира, в котором жила я, как какие-нибудь инопланетяне.

Босс поднял со стойки свой мобильный телефон марки «Блэкберри», набрал номер и тихо произнес несколько слов. Через минуту он опустил телефон и с мрачной улыбкой посмотрел на меня.

– Ну вот, я все устроил, давайте ключи.

Он протянул руку, и я без дальнейших колебаний бросила ключи ему в ладонь. В конце концов, это мой начальник, и я привыкла выполнять его распоряжения.

Я не слышала, о чем он говорил по телефону, потому что голова отчаянно кружилась и живот свело. Казалось, они крутятся в противоположных направлениях.

– Извините, – сказала я и быстро прошла мимо него по направлению к туалету, где благополучно избавилась от выпитых трех стаканов виски. Прополоскав рот и плеснув холодной воды в лицо, я посмотрела в грязное зеркало с пятнами облупившейся амальгамы, отчего казалось, что часть лица стерта. Я с горечью подумала, что это и есть мое истинное отражение, честно отображающее нынешнее состояние души.

Черный «Мерседес» мистера Бофейна был припаркован у обочины. Когда босс открыл дверь, чтобы пустить меня на пассажирское место, в ноздри ударил крепкий запах кожаной обивки. Я застегнула пояс безопасности и уселась, скрестив ноги и судорожно вцепившись в сумочку, лежащую на коленях. В тот момент я, наверное, напоминала старушку в автобусе, охраняющую свое добро от воображаемых грабителей, которые чудятся ей в каждом незнакомце.

– Вот так будет лучше, – сказал он, скидывая пиджак и набрасывая его мне на плечи. Поток воздуха из кондиционера пронзала влага, словно холодный нож, отчего по коже побежали мурашки, но я была уверена, что пиджак меня не согреет.

Я куталась в пиджак своего начальника, и меня переполняло чувство благодарности, все еще смешанное с крайним смущением.

– Я вам очень признательна, – сказала я, когда он завел мотор и выехал на пустынную улицу. Украдкой бросая на босса взгляды, я в неверном свете мелькающих уличных фонарей обратила внимание на резкие линии его подбородка, которых раньше не замечала. Вроде бы он сказал, что у него были какие-то дела в этом районе, а потом ему захотелось выпить.

– А я вас никогда раньше у Пита не видела, – сказала я, пытаюсь разрушить неловкое молчание.

Он ответил не сразу.

– А я здесь никогда и не был. Просто пришлось выполнить просьбу одного из членов семьи и встретиться кое с кем в баре. – Я почувствовала на себе его внимательный взгляд. – Признаюсь, был весьма удивлен, встретив вас там.

– Я иногда прихожу туда играть на пианино. Пит платит мне наличными пятьдесят долларов в час плюс чаевые.

Мне хотелось шлепнуть себя по губам за то, что наговорила лишнего, напоминая боссу об унижительной сцене, невольным свидетелем которой он стал.

Мистер Бофейн некоторое время молчал.

– Я и не знал, что вы играете на фортепьяно, Элеонор. Должен сказать, вы замечательная пианистка.

Я уставилась на него, разглядывая четкий профиль, вырисовывавшийся на фоне бокового окна. Несмотря на то что я работала в его компании уже более двух лет и он подписывал мои чеки, я не ожидала, что он что-то знает обо мне, кроме имени и того, что я всегда соглашалась на работу во внеурочное время. И что на моих руках большая сестра и я иногда опаздываю или ухожу раньше, но всегда наверстываю потерянное время. Поэтому его неожиданный интерес к моей персоне весьма меня удивил.

Я посмотрела на свои пальцы, все еще сжимающие сумочку.

– Отец научил меня еще в детстве. Он хотел, чтобы я поступила в Джульярдскую школу искусств.

Я и сама не понимала, зачем я говорю ему это. Казалось, что темнота каким-то таинственным образом превратила салон машины в исповедальню.

Он ничего не сказал на это. Может быть, тоже знал, что такие детские мечты и как легко они исчезают под наплывом суровой реальности взрослой жизни, накрывающей нас, словно приливная волна, и утаскивающей все, что нам дорого, назад в море.

– Знаете, никогда не поздно начать. Я имею в виду, стать тем, кем вам всегда хотелось быть. Моя дочка все время об этом твердит.

На его щеках наметились складки, как будто он пытался улыбнуться. Я не была знакома с его дочерью и даже никогда не видела ее, но Люси сообщила мне, что несколько лет назад девочка сильно болела и жила с мистером Бофейном, а не с матерью, а мне и в голову не приходило задавать лишние вопросы по поводу личной жизни начальника.

– А как ваш отец относится ко всему этому сейчас? – неожиданно спросил он.

Его вопрос застал меня врасплох.

– Он погиб. Утонул, когда мне было четырнадцать лет.

Я отвернулась, потому что в глазах зашипало, как в тот день, когда я, сидя на пирсе, чувствовала брызги соленой воды на лице, и ожидание было бесконечным. Я не уходила, даже когда шторм настолько усилился, что находиться там стало опасно, и полицейскому пришлось отнести меня в свою машину.

– После этого я перестала играть. А потом мама продала пианино...

Я больше не могла говорить, потому что воспоминания оказались вдруг слишком живыми и болезненными даже в скрытой бархатными занавесями воображаемой исповедальне, темнота которой обеспечивает вам анонимность.

– Извините меня, – сказал он, подъезжая к светофору и намереваясь свернуть налево. Я заметила, что голос его звучал приглушенно, словно ему было хорошо знакомо бремя страданий, когда бегущие годы, будто невидимые нити, закручиваются в плотный клубок и уже невозможно понять, где их начало.

– Это было так давно, – тихо произнесла я.

От его пиджака исходил стойкий запах туалетной воды, странным образом давая ощущение надежности. Между нашими сиденьями я заметила клетчатую ленту для волос и вспомнила, что он что-то сказал о своей дочери.

– А как зовут вашу дочку?

Его резкие черты смягчились, и в полумраке салона машины он вдруг показался мне гораздо моложе, чем я до сих пор себе представляла. Только теперь, общаясь с ним в неформальной обстановке и имея возможность присмотреться, я поняла, насколько он красив.

На его губах вновь появилась легкая улыбка, которая была мне уже знакома по сегодняшнему вечеру. Странно, что раньше я не замечала, как удивительно он умеет улыбаться.

– Ее мать дала ей имя Женестьева, но я обычно называю ее Горошинка.

У меня вырвался невольный смешок, о чем я тут же пожалела. Это было так трогательно – серьезный деловой человек в строгом черном костюме называет дочку таким милым прозвищем. Как же мало, оказывается, я знала о нем.

– Что тут смешного? – Он, казалось, был задет моей несдержанностью.

Бофейн подвел машину к обочине у моего дома, и я с удивлением отметила, что где-то в глубине души испытываю разочарование от скорого расставания.

– А мой отец называл меня Элли. Только он один называл меня так. Все остальные зовут меня полным именем – Элеонор.

– Вот как? – сказал он, и мне показалось, что он все понял.

Он протянул руку, чтобы открыть дверцу со своей стороны, но я поспешила его остановить.

– Это вовсе не обязательно. Отсюда я и сама прекрасно дойду.

Мне показалось, что он хотел возразить, поэтому быстро открыла дверцу и вышла в удручающий ночной воздух. Как ни странно, мысли мои полностью прояснились. Я наклонилась к открытому окну машины.

– Благодарю вас, мистер Бофейн. Поверьте, я очень признательна вам за то, что вы меня подвезли, хотя это было вовсе не обязательно. Вам ведь теперь предстоит такой долгий путь до Чарльстона.

– А я рад, что оказался в этом баре, – мягко произнес он. – Между прочим, меня зовут Финн. Я тут подумал...

Он замолк, словно тщательно подбирая слова, а затем тихо произнес:

– Как вы считаете, я плачу вам достаточно?

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать смысл его слов.

– Д-да. Конечно, достаточно, – ответила я, заикаясь от волнения.

Он медленно покачал головой.

– Извините за этот вопрос. Я задал его не в той форме, в которой собирался. Я просто хотел вас спросить, интересно ли вам было бы получить некоторую дополнительную работу. Совсем не такую, какую вы обычно выполняете. И всего на пару часов в день. Но обещаю, оплата будет очень высокой.

При мысли о том, что, возможно, мне никогда больше не придется возвращаться в бар Пита, голова моя снова пошла кругом.

– И что же это за работа?

По его глазам в тусклом свете фонаря было видно, что он что-то напряженно обдумывает.

– На самом деле я еще не могу точно обозначить круг обязанностей. Просто хочу предложить вам побыть компаньонкой одной пожилой леди – моей двоюродной бабушки. Она сейчас в больнице, но на следующей неделе уже вернется домой.

Он говорил быстрее, чем обычно, и было видно, что ему почему-то очень хочется добиться моего согласия.

– У нее большой дом на острове Эдисто, из которого она почти не выходит, и мне не хотелось бы, чтобы она все дни сидела там в одиночестве.

В моем сердце вдруг затеплилась слабая надежда, но тут же умерла, не успев родиться.

– У меня не будет возможности ездить на остров и обратно.

– Транспорт не ваша проблема, – сказал он таким тоном, словно все уже для себя решил.

Я отошла от машины, и мне вдруг на мгновение показалось, что пахло свежим запахом океана.

– Знаете, я ведь выросла на Эдисто. Возможно, я даже знакома с вашей двоюродной бабушкой.

Мне показалось, что глаза его странно блеснули.

– Уже поздно. Вам надо идти. Мы все обсудим завтра.

Мне стало неловко под его пристальным взглядом.

– Конечно, – сказала я. – Мне нравится ваше предложение. Спокойной ночи, мистер Бо...

Я не договорила, так как формальное обращение мне вдруг показалось неуместным, но и по имени я его назвать не решилась. Поэтому я просто замолчала.

– Спокойной ночи, Элеонор, Увидимся утром. И не беспокойтесь по поводу вашей машины. Ее сюда доставят вовремя.

– Благодарю вас за все, – снова сказала я и, развернувшись, быстро поднялась по облупившимся ступенькам крыльца. Внезапно я подумала о том, каким убогим должен был выглядеть наш облезлый домишко в его глазах, и поблагодарила ночную темноту, позволившую скрыть то, что лучше было бы не демонстрировать.

Я чувствовала его взгляд, когда вставляла ключ в замок и входила в дом, но, закрывая дверь, не стала оглядываться. До моих ушей донеслось мягкое урчание мотора, машина поехала вниз по улице, и тут я услышала тихий шум шагов в комнате наверху и скрип матрасных пружин.

Я сделала глубокий вдох, приносиваясь к несвежему запаху жареной курицы и едва заметному аромату дорогого одеколона, исходящему от пиджака, который я забыла вернуть владельцу. Я плотнее завернулась в него, погасила в коридоре свет и направилась вверх по ступенькам в свою комнату.

Где-то далеко раздался глухой рокот грома, а я стояла в темной спальне, глядя из окна на небо в ожидании грозы. Впервые за много лет я думала о доме, где выросла, вспоминая, как дующий с океана ветер играл в желобах, и его завывания казались мне пением сирен. Отец научил меня никогда не бояться грозы. И я верила ему до того самого дня, когда он погиб.

Понимая, что мне уже не уснуть, я уселась на кровать, все еще кутаясь в пиджак моего босса, и в ожидании дождя позволила себе предаться размышлениям о неожиданно открывающихся передо мной возможностях.

Глава 4

Люси резко затормозила, пробиваясь ранним утром сквозь поток машин на улицах Чарльстона, и неплотно закрытый капот, держащийся на месте благодаря веревке и нашим молитвам, вызывающе лязгнул. Из кондиционера, который издал последний вздох еще прошлым летом, дул раскаленный воздух. Темно-коричневая кожа Люси была покрыта каплями пота, хотя было лишь половина девятого утра. Я даже и не пыталась смотреть на себя в зеркало на козырьке, потому что знала – с растрепанными волосами выгляжу ничуть не лучше, хотя на этот раз гораздо дольше, чем обычно, собиралась на работу.

Мы опаздывали по моей вине. Сначала я упустила автобус, так как слишком поздно сообразила, что не могу войти в офис «Бофейн и партнеры» с перекинутым через руку пиджаком владельца компании, и мне нужно его куда-нибудь положить. Я бегом вернулась в дом, схватила пакет из супермаркета, но тут меня перехватила мать, желающая знать, куда я дела машину. У меня не было времени, чтобы пускаться в объяснения или спорить с ней, поэтому я просто посоветовала ей не волноваться и молнией выскочила из дома, впервые испытывая радость от того, что у меня не было мобильного телефона.

– Не хочешь ли ты рассказать мне, что там у тебя в этом пакете? – уже второй раз задала мне вопрос Люси. Мы с ней были знакомы с пеленок, выросли вместе на Эдисто, и у нас никогда не было никаких тайн друг от друга. До настоящего момента.

– Понимаешь, это вещь, которую я позаимствовала, а теперь должна отдать, – промямлила я, думая о том, что уснула, кутаясь в пиджак мистера Бофейна, лишь когда рассвет расколол небеса.

– Понятно, – сказала она, выпячивая подбородок, что говорило о том, что она имела в виду прямо противоположное.

Она резко зарулила на парковку у офисного здания и оставила там машину, предварительно опустив все четыре стекла, так как у старой развалины было больше шансов расплавиться изнутри, чем быть украденной. Я сунула идентификационную карточку в щель двери заднего входа, и мы вошли в здание, сразу услышав в отдалении телефонные звонки, приглушенные мягкими коврами. Мы некоторое время постояли, наслаждаясь прохладным воздухом из кондиционера, а потом, не произнося ни слова, разошлись в разные стороны: Люси – в бухгалтерию, а я – в отдел по работе с клиентами. Не успела я добраться до своего рабочего места, раздумывая, куда бы положить пакет с пиджаком, чтобы его никто не заметил – перед этим я уже решила, что проберусь в кабинет мистера Бофейна, когда он уйдет на обед, – как вдруг услышала, как кто-то произносит мое имя. Мне это сразу же напомнило о приключениях прошлой ночью, когда он позвал меня по имени, поймав на пути в дамскую комнату в заведении Пита. Я, чтобы справиться с волнением, сделала вид, что вожусь под столом с пакетом.

– Элеонор, – снова позвал мистер Бофейн. Несмотря на то что он назвал мне свое имя, я не могла думать о нем иначе как о мистере Бофейне в строгом черном костюме, который уверенным тоном вел бесконечные беседы с важными клиентами.

Я попыталась встать и сильно ударила головой о край стола. Из глаз у меня полетели искры, но ситуация была настолько неловкая, что я сдержалась и не вскрикнула от боли и даже не потеряла лоб, где, несомненно, будет теперь кровоподтек. Я заставила себя посмотреть ему в лицо, стараясь не вспоминать прошлую ночь в его машине, когда я изливала ему душу, рассказывая об отце и детстве на острове Эдисто, и уж тем более то, что я спала, завернувшись в его пиджак.

– Да, мистер Бофейн?

Взгляд его темно-серых глаз казался слегка отрешенным и невозмутимым, и я подумала, что так мне даже проще делать вид, что этот мужчина и тот, с которым я общалась в прошлую ночь, – совершенно разные люди.

– После того как разберетесь тут, не могли бы вы зайти ко мне в кабинет?

Я кивнула, стараясь не обращать внимания на боль в том месте, где теперь, видимо, наливалась шишка.

– Конечно, только дайте мне пару минут, если можно.

Он взглянул мне в лицо, и в его взгляде почудилось беспокойство, а потом коротко кивнул и направился в свой огромный кабинет, окна которого выходили на Брод-стрит. Я почувствовала на себе любопытный взгляд его личной секретарши Кэй Тетли, восседавшей за большим столом из красного дерева, подняла глаза, и та старательно сделала вид, что изучает электронную почту.

Я включила компьютер и разыграла целый спектакль: убрала сумочку в ящик, разложила документы, над которыми предстояло работать, на рабочем столе рядом с кружкой с забавным изображением чернокожей южанки – подарком от Люси, потом извлекла пакет, где лежал пиджак, и направилась к кабинету мистера Бофейна. Несмотря на то что губы пересохли и, как мне казалось, потрескались, я с трудом подавила порыв освежить помаду, не желая подогревать интерес со стороны Кэй – достаточно было и подозрительного мятого пакета в руках.

Босс стоял, держа в руке дымящуюся чашечку кофе, отвернувшись к окну, рядом с целой батареей компьютеров, которые, казалось, никогда не выключались. Даже в эту невыносимую жару на нем был черный костюм, из-под рукавов которого выглядывали белоснежные накрахмаленные манжеты со сверкающими на солнце золотыми запонками. Сам кабинет сохранял стиль старинного особняка, когда-то бывшего резиденцией богатых предков моего босса и превращенного в офис компании «Бофейн и партнеры» еще его прадедом.

До этого визита мне пришлось лишь раз заглянуть в его кабинет, чтобы передать какие-то документы.

Высокие потолки были украшены по краям ионическим лепным орнаментом, а в самом центре из изящного гипсового медальона свисала старинная люстра. На стенах я заметила несколько картин, и среди них – акварель уроженки здешних мест, художницы Мэри Уайт. Я сразу узнала картину, так как видела ее на выставке в Музее искусств Гиббса, и вспомнила, как стояла перед ней и думала, каково это – владеть таким изысканным произведением искусства и любоваться им сколько душе угодно.

Полы были из настоящей ядровой сосны, а посередине лежал огромный персидский ковер насыщенных бордовых и темно-синих тонов. На рабочем столе стояла лишь одна фотография в рамке. С моего места было не видно, что на ней изображено, но я не сомневалась, что это была фотография счастливо улыбающейся маленькой девочки. Мои губы чуть не расплылись в улыбке, когда я вспомнила ласковое прозвище, которым называл ее отец. *Горошинка*.

В комнате отчетливо пахло книгами и жидкостью для полировки мебели, и сквозь этот запах едва уловимо пробивался тот же аромат, который исходил от пиджака мистера Бофейна. При мысли об этом я невольно покраснела и обрадовалась, что он стоял ко мне спиной и не видел в этот момент моего лица.

– «Патетическая соната» Бетховена. Вот что вы играли вчера вечером, когда думали, что в баре уже никого нет. – Он повернулся ко мне. – Я не ошибся?

Этот вопрос застал меня врасплох, и, не успев даже смутиться, я кивнула.

– Удивительно, что вам удалось ее узнать. Должна признаться, я изрядно подзабыла классический репертуар.

Он сделал глоток кофе из чашки и взглянул на меня оценивающим взглядом.

– Не хотите ли кофе? – Он указал на серебряный кофейный сервис на подносе, стоящий на старинном буфете у дальней стены.

Мой организм жаждал кофеина, но я слишком нервничала, чтобы суметь налить кофе и выпить его, не расплескав.

– Нет, благодарю вас.

Он наблюдал за мной еще некоторое время, а потом указал на кожаное кресло у письменного стола.

– Пожалуйста, присаживайтесь.

Он подождал, пока я усядусь, а затем произнес:

– Надеюсь, муж вашей сестры вовремя попал на работу?

Я не сразу сообразила, о чем он говорит, а затем вспомнила машину, на которой я приехала к Питу, и обещание мистера Бофейна доставить ее к дому вовремя, чтобы Глен успел на работу. В офис из дома не звонили, поэтому я предположила, что с машиной все в порядке.

– Да. Благодарю вас... За все.

Босс кашлянул. Очевидно, он так же хотел уйти от этой темы, как и я.

– Прошлым вечером я упомянул, что у меня есть для вас кое-какая дополнительная работа.

– Мне бы хотелось узнать об этом побольше, но, понимаете... боюсь, мои домашние обязанности не позволят мне добавить еще несколько часов к моему рабочему графику.

– Вы имеете в виду необходимость ухода за вашей сестрой?

Я кивнула.

– Муж сестры работает допоздна, а у мамы запущенный артрит, и ей трудно ухаживать за Евой. Поверьте, я высоко ценю ту свободу, которую вы предоставили мне здесь.

На какое-то мгновение меня охватила паника, так как я подумала, что, может, именно поэтому он и предлагает мне другую работу, что его не совсем устраивает моя работа здесь, в офисе. Может, ему нужен кто-то более надежный на моем месте, кто-то, кто мог бы позволить себе подольше задерживаться в случае необходимости и не срывать бы время от времени с работы среди бела дня.

Его слова прервали поток моих безрадостных мыслей.

– Видите ли, я вовсе не желаю еще больше нагружать вас. Я просто подумал, что мы можем договориться так, что новая работа станет взаимовыгодной для нас обоих. Мне не придется волноваться, что двоюродная бабушка сидит целыми днями одна, а у вас будет дополнительный источник доходов.

Я опустила глаза и принялась рассматривать руки. Казалось, у меня внезапно пропал голос. Но я все же выдавила из себя почти шепотом:

– А вы предложили бы мне эту работу, если бы не увидели меня вчера вечером в баре?

– Давайте считать, что это счастливый случай. Вчера вечером я узнал, что двоюродная бабушка хочет вернуться домой, а потом случайно встретил вас. А потом услышал, как вы играете на фортепьяно, – очень мягко произнес он.

Я подняла взгляд. На его лице было серьезное выражение, а глаза смотрели оценивающе.

– Видите ли, дело в том, что мои двоюродные бабки, родные сестры моей бабушки, были великолепными пианистками.

Он замолчал, а я не решилась нарушить повисшую тишину.

– Тетя Хелена сейчас пребывает в глубокой печали, – после некоторого раздумья продолжил босс. – Ее сестра, с которой они практически не расставались, умерла, и теперь тетя возвращается в дом, в котором они долгие годы прожили вместе. Теперь ей предстоит жить там в полном одиночестве. Я постараюсь ее навещать как можно чаще, по мере возможности, конечно, и найму ей сиделку, которая будет ухаживать за ней двадцать четыре часа в сутки, но все же я надеюсь, что, может быть... будет кто-то еще.

– Но почему вы выбрали именно меня?

На этот раз он ответил не раздумывая:

– Потому что я видел, как вы заботитесь о сестре, как ответственно относитесь не только к ее благополучию, но и к работе, которую выполняете здесь. И когда я встретил вас прошлым вечером... – Мистер Бофейн замолчал и направился к буфету, чтобы налить себе еще чашку кофе. Он двигался с изяществом и в то же время со сдержанной силой, как сжатая пружина, готовая распрямиться. И я невольно обратила внимание на то, какой он высокий и как выверены и точны его движения. Мистер Бофейн сделал вид, что поглощен помешиванием кофе в чашке.

– Я буду платить вам на почасовой основе столько же, сколько плачу здесь. Хотелось бы начать с пяти часов в неделю – время вы можете выбирать сами. Я также буду оплачивать время, затрачиваемое на поездки туда и обратно. К тому же вам будет предоставлена машина, чтобы ездить на Эдисто или куда-либо еще, если понадобится.

Он пристально посмотрел на меня, и, заметив, как блеснули его глаза, я подумала, что он, наверное, о чем-то умалчивает.

– А как фамилия вашей двоюродной бабушки? Может быть, я ее знаю.

– Жарка. Это венгерская фамилия. Она с сестрами переехала сюда из Венгрии.

Он снова посмотрел на меня в упор, как мне показалось, почти с вызовом. Дело в том, что мне была известна эта фамилия. Я сразу вспомнила двух пожилых леди, которые жили в большом белом доме на берегу широкой бухты Стимбоут. Им, наверное, уже было за шестьдесят или даже за семьдесят, когда я жила на Эдисто. Они тогда казались очень старыми для нас, детей, – обе с седыми волосами, собранными в тугие пучки, старомодными длинными юбками и ярко выраженным иностранным акцентом. Казалось, они были вездесущими, всегда предлагая свою помощь во время фестивалей креветок, экскурсий по старинным особнякам, акций по сбору теплой одежды зимой и пожертвований на школьные принадлежности осенью. Надо сказать, у них всегда были лучшие сладости на Хеллоуин. Стыдно признаться, но мы в детстве постоянно передразнивали их акцент и странные иностранные повадки, но тем не менее в канун Хеллоуина мы с Евой всегда были в первом ряду перед дверью почтенных сестер.

– Да, конечно же, я их помню. Там еще был мальчик...

Я замолчала, и глаза мои расширились, когда до меня наконец дошло. Я вспомнила мальчика, которого видела только издали, когда он с причала для яхт пускал в бухту бумажные самолетик. Один из них я даже как-то нашла на берегу. Я поразились тогда, как искусно, с многочисленными складками и изгибами был сложен лист бумаги. Наверное, чтобы сотворить такое, требуется несколько часов, и я тогда подумала, что каждая складочка, наверное, запечатлела молитву, на которую пока нет ответа, неосуществленные мечты, под тяжестью которых и упал маленький самолетик.

Мистер Бофейн подошел ко мне и стоял, опираясь руками о письменный стол.

– Мать умерла, когда мне было девять, и мой отец на лето отправлял меня на Эдисто, как я подозреваю, чтобы избавить себя от моего общества.

– Думаю, я вас там видела несколько раз, – осторожно сказала я, однако не стала ему рассказывать, что Ева не раз встречала его с тетями в городе или в церкви, но не удостоивала внимания, так как это был городской мальчик, а не островной житель, и он наверняка не знал, как устраивать ловушки для крабов. По крайней мере, так было до того, как Ева начала проявлять интерес к мальчикам, а они начали обращать внимание на нее. Я тоже не рвалась с ним познакомиться, но навсегда запомнила тот искусно сложенный бумажный самолетик, складки простой бумаги, которые мальчик превратил в крылья. – Но вы никогда не выходили с нами поиграть.

– Я был единственным ребенком в семье, поэтому можете себе представить, как меня опекали. Мне даже не разрешали пойти одному на пляж или поиграть с местными детьми. Но тетушки были очень добры ко мне, и мне безумно нравился остров.

– Жарка, – впервые произнесла я вслух, с трудом справляясь с жесткими согласными. Конечно, я знала их фамилию, хотя Ева и все наши друзья обычно называли их «старые леди из большого дома». Однако фамилия казалась знакомой и по другой причине – я слышала ее совсем недавно, но никак не могла вспомнить, где именно.

– А знаете, я ведь любопытна. Расскажите, каким образом они в конце жизни оказались на Эдисто?

Он отпил глоток кофе.

– Дом принадлежал семье отца, но он предоставил его тетушкам, когда они во время войны приехали сюда из Венгрии. Они хотели быть рядом с семьей, но в то же время не слишком близко, и Эдисто казался идеальным местом для этого.

– Я хорошо помню ваших тетушек, – призналась я. – Они всегда были добры к нам, детям, хотя я и не могу сказать, что мы платили им тем же.

Он кивнул, и в его глазах читалось ожидание, но я не знала, какой именно ответ он хотел услышать. Я кашлянула, чтобы прочистить горло.

– Вы говорите о вашей тетушке Хелене. А как звали ее покойную сестру?

– Бернадетт.

Меня вдруг охватил стыд, как будто я обязана была знать их имена. Знать их как конкретных людей с именами и особенностями личности, ведь они были любящими тетушками одинокому маленькому мальчику. Я нахмурилась, пытаюсь привести в порядок мысли.

– Вы сказали, что Хелена попала в больницу после смерти Бернадетт. Они что, обе болели?

Мистер Бофейн оттолкнулся руками от стола, повернулся к окну и принялся внимательно наблюдать за потоком машин на Брод-стрит.

– Бернадетт умерла во сне. А тетушка Хелена... – Он пожал плечами. – Думаю, без сестры жизнь потеряла для нее смысл. Она ничего не ела, не пила и хотела умереть. Мне повезло, что я вовремя их обнаружил.

Мне хотелось, чтобы он снова посмотрел на меня, мне хотелось иметь возможность заглянуть ему в глаза. Может быть, тогда я смогу понять, что он недоговаривает. Я заерзала в кресле, и пакет из супермаркета, который я положила на пол у ног, громко зашуршал.

– Мне надо все обсудить с матерью и сестрой, чтобы понять, смогу ли я принять ваше предложение... – Я замолкла, так как не знала, что еще можно сказать.

– У них прекрасный рояль, марки «Мэйсон и Хэмлин» тысяча девятьсот двадцать шестого года. Вы можете играть на нем сколько вам угодно. Тете Хелене это понравится. Уверен, она будет наслаждаться вашим обществом.

Я вновь почувствовала, как сердце сжалось от тревожного предчувствия, и это ощущение было столь сильным, что мне пришлось сделать глубокий вдох. Я выждала пару минут, прежде чем смогла ответить.

– Вы позволите мне дать вам ответ завтра? Мне действительно надо посоветоваться с матерью и сестрой.

– Разумеется. И если вам надо сократить время работы или, наоборот, увеличить, это вполне возможно. В таких вещах нужна определенная гибкость. Уверен, это будет хорошо для всех нас.

Я думала о рояле марки «Мэйсон и Хэмлин» – тот инструмент, который продала мать, тоже был этой фирмы – и не могла отделаться от мысли, что он словно знал, что я не смогу устоять перед искушением и приму это странное предложение.

– В таком случае обсудим все завтра.

Я встала – мне ясно дали понять, что пора уходить.

– Хорошо. И еще раз спасибо вам.

Мне было страшно неловко, я так и не могла понять, за что я его поблагодарила – за предоставляемую возможность или за то, что он любезно отвез меня домой после нашей неожиданной встречи. Впрочем, мне вовсе не хотелось ломать над этим голову.

Я вышла из его кабинета, чувствуя, что он провожает меня взглядом своих серых глаз. Закрыв дверь, я с запозданием осознала, что оставила его пиджак скомканным в пакете на полу. Я несколько мгновений смотрела на закрытую дверь его кабинета, убеждая себя, что надо отказаться от его предложения, независимо от того, что скажут мать и Ева. Но почему-то никак не могла отделаться от мысли о маленьком мальчике на причале, пускающем в воздух бумажные самолетики, которые чертят в небе незримые следы, пока не упадут в воду.

Глава 5

Ева

Я знала, что Элеонор вернулась, еще до того, как она повернула ключ в замке. Сколько себя помню, сестра всегда была неким продолжением меня – бесплотной конечностью, которую я не могла контролировать. Но все равно она принадлежала мне. Когда она родилась, папа положил крошечного младенца мне на руки, и с этого момента она стала моей. Моей, чтобы любить и заботиться. Не думаю, что он мог представить тот неожиданный поворот, который совершили наши судьбы.

– Это ты, мама?

Элеонор стояла на пороге, принеся с собой запах дождя.

Я подняла глаза от обеденного стола, на котором нашивала бесконечные ряды блесков на костюм мажоретки для шестнадцатилетней девочки. Мама так страдала от артрита, что больше не могла выполнять столь тонкую работу, но я удивила ее – впрочем, и себя тоже – тем, что мои стежки были такие же прямые и точные, как когда-то и у нее.

– Она отдыхает, – сказала я, наблюдая, как Элеонор сбрасывает мокрые туфли – синие лодочки, которые подкрашивали уже столько раз, что после них на ступнях оставались синие пятна. – А Глен сегодня снова работает допоздна.

Я внимательно наблюдала, умея читать у нее по лицу так, словно оно было моим собственным. Однако на сей раз в нем было что-то, чего я не могла распознать. Это напомнило мне мой день рождения много лет назад, когда она вручила мне сверток с подарком и тут же сказала, что там внутри, потому что не в силах была ждать, когда же я его наконец открою.

Сестра подошла к столу и включила верхний свет. Несмотря на то что мне приходилось при шитье все сильнее напрягать глаза, я и не заметила, как стемнело на улице, и заморгала от яркого света.

– Спасибо. Мама велела не ждать ее и садиться ужинать, как только ты придешь. Ей надо будет принять лекарства, когда она проснется.

Элеонор кивнула, но, казалось, она меня не слышит. От нее исходила странная энергия, которая обжигала меня, словно мелкие брызги кипящей воды. Наконец, как будто читая мои мысли, сестра повернулась ко мне.

– Я забыла заскочить в магазин по пути домой. Думаю, придется доедать то, что осталось.

Она рассеянно перевела взгляд на костюм мажоретки, на котором посреди целого моря блесков красовались крошечные серебряные звездочки.

– Тебе это удалось не хуже, чем маме.

Пальцы с коротко обрезанными ногтями коснулись одной из звездочек, и она засверкала под лампой всеми цветами радуги.

– Я стараюсь, – холодно ответила я. Я не нуждалась в ее похвалах – не хочу принимать их от ребенка, которого судьба подарила мне, чтобы я могла его защищать, этот ребенок заигрался и забыл, что нам было предназначено, поменявшись со мной ролями.

Она кивнула, повернулась и скрылась на кухне, и я тут же услышала звук открывающегося и вновь закрывающегося холодильника, а затем стук сковородок. После ужина, когда мы все трое сидели за столом, дожевывая остатки разогретых макарон и соленых помидоров, которые принесла наша соседка миссис Грэндалл, Элеонор опустила на стол вилку и расправила салфетку рядом со своей тарелкой.

– Мистер Бофейн предложил мне другую работу, – тихо сказала она. – Но вовсе не взамен нынешней, а в дополнение к ней. Для начала всего пять или чуть больше часов в неделю, а

потом, при необходимости, условия можно будет изменить. – Она замолчала, пытливо глядя на нас и словно пытаясь прощупать нашу реакцию. – Он сказал, что будет платить мне вдвое больше, чем платит сейчас.

Мама нахмурилась, но я могла поспорить, что упоминание о деньгах вызвало у нее живой интерес.

– А каковы будут твои обязанности? – спросила она, и мне на какое-то мгновение стало неловко за мать, я вспомнила, что Элеонор приходится музицировать в отвратительном грязном баре. В отличие от матери, я никогда не старалась делать вид, что не понимала, почему сестра так поздно приходила домой, и знала, что именно поэтому она сейчас избегает смотреть мне в глаза.

– Он предложил мне стать компаньонкой у его двоюродной бабушки. Она лежала в больнице, а теперь возвращается домой, но мистер Бофейн не хочет, чтобы она целыми днями оставалась лишь в компании сиделки. Она живет на Эдисто.

Мама вся превратилась в слух.

– Что-то я не припомню никаких Бофейнов на острове.

Элеонор покачала головой.

– Речь идет о сестре его бабушки. Ее фамилия Жарка.

По глазам матери я поняла, что имя было ей знакомо.

– Хелена и Бернадетт?

– Да. Они жили в большом белом доме у бухты Стимбоут. У них всегда были лучшие украшения и сладости на Хеллоуин.

Я откинулась на спинку кресла, вспоминая двух пожилых леди в старомодных нарядах, от которых исходил запах нафталина, столь же навязчивый, как и воспоминания об их родине. Мать затрясла головой, встала и выдернула газету из стопки, лежащей на стремянке. Она пролистала несколько страниц, нашла нужный заголовок и положила ее на стол перед Элеонор.

– Речь идет об этих Хелене и Бернадетт Жарка? – спросила она, указывая пальцем на статью.

Элеонор склонилась над газетой, и по мере того как она читала, звенящая пульсирующая энергия, исходившая от нее с того момента, как она вернулась, постепенно затухала, как умирающий светлячок.

– Но тут всего лишь сказано, что Бернадетт умерла естественной смертью.

– Все еще ведется следствие, – указала мать.

– Пожалуй, нет ничего противоестественного в том, что пожилой человек умирает в своем доме, правда?

– Возможно, но им так и не удалось выяснить, почему Хелена, когда ее обнаружили, тоже была на грани смерти. Все это выглядит весьма странно.

Элеонор затрясла головой, в ее движении явственно читалось отчаяние.

– Мистер Бофейн объяснил, что после смерти Бернадетт Хелена перестала есть, не представляя, как будет жить без сестры. Но сейчас ей гораздо лучше. Она возвращается домой на Эдисто, чтобы окончательно восстановить силы.

Я снова услышала нотки отчаяния в ее голосе, словно крик маленького зверька, угодившего в западню. «Добро пожаловать в мой мир», – подумала я. Но поющая энергия снова вернулась, и я подумала: а что же такого в этой работе, что вызывает у сестры такой энтузиазм?

Тем временем мама продолжала:

– На прошлой неделе я встретила нашу прежнюю соседку с Эдисто, миссис Рид. Я ее уже сто лет не видела, а тут случайно наткнулась на нее на распродаже в этом огромном магазине тканей на Сэм-Риттенберг-бульвар. Она и рассказала мне о несчастной мисс Бернадетт и о том, что люди болтают на этот счет. Очень странно, что не было официального сообщения о похоронах. Ходит еще много слухов, но не вижу необходимости повторять их. – Она тряхнула

головой. – Совершенно ясно одно: в этой семейке творится что-то подозрительное, и мне вовсе не нравится то, что тебе придется проводить время в этом огромном доме наедине с этой старухой. И потом, ты же знаешь, ты нужна нам здесь. Ты нужна Еве. Особенно сейчас.

Мать метнула на меня взгляд, и я уже знала, что она собирается сказать. До этого утра это было моей тайной, а сегодня мама застала меня, когда я после завтрака выбрасывала кое-что в корзину для мусора, но я вовсе не была уверена, хочу ли я делиться этим с сестрой. Элеонор тоже посмотрела на меня, в ее взгляде читалось недоумение.

– Я сама буду выбирать график работы, к тому же он предоставит мне машину, поэтому я смогу быстро добираться на остров и обратно. И у них в доме есть рояль. Мне разрешили играть на нем...

Она внезапно прервала фразу, словно только сейчас расслышала, что сказала мама.

– Что ты имеешь в виду, говоря «особенно сейчас»?

На лице матери засияла торжествующая улыбка.

– Ева беременна. У них с Гленом будет ребенок.

Кровь отлила от лица сестры столь стремительно, что я подумала, будто она вот-вот потеряет сознание. Я отвернулась, не в силах видеть ее боль. Несмотря на прошлое, лежащее между нами, словно заросший сорняками сад, она все еще была моей сестрой.

Она через силу заставила себя улыбнуться, но уголки губ были словно парализованы.

– Поздравляю, – сказала она, наклоняясь ко мне и целуя в щеку, чем немало удивила нас с матерью. Но губы ее были ледяными, и, прежде чем Элеонор отстранилась, мне показалось, что ее бьет дрожь.

Мама заговорила снова:

– Ей придется посещать множество врачей. Ты же знаешь, что Глен с утра до ночи занят на работе, а я не могу водить машину из-за артрита. Поэтому ты – единственная, кто может возить ее по врачам.

Элеонор вскочила и принялась собирать тарелки, в том числе и чистые, которые она поставила на стол на тот случай, если появится Глен. Я знала, что она наполнит его тарелку едой и поставит в микроволновку, когда он появится. Когда-то в юности мне хотелось быть такой же, как она – сильной и уверенной в себе. Такой же бесстрашной. Но та Элли осталась в прошлом. Я выбросила ее из своей жизни в тот самый день, когда упала с дерева, а придя в себя, обнаружила, что мое тело мне неподвластно. С тех пор моя ненависть была направлена на одного-единственного человека, которого я винила в случившемся и который, я знала, никогда не ответит мне тем же. Я же все время давала ей понять, что она должна делать все, чтобы заслужить мое прощение.

Но прощение – это такая неуловимая вещь, и определить его так же сложно, как удержать песню в руке. Именно поэтому я не стала спорить с матерью и утверждать, что мы с Гленом вполне можем сами справиться со всем этим и не нуждаемся в услугах Элеонор. Ведь я поймала певчую пташку в западню и крепко держала ее в руке, а теперь просто не знала, как отпустить ее на волю.

Элеонор удивила нас тем, что быстро вышла из кухни, не удосужившись вымыть посуду. Она стояла, сцепившись руками в спинку стула, на котором обычно сидел Глен.

– Но ведь у них рояль марки «Мэйсон и Хэмлин», – снова произнесла она, и в ее голосе я уловила вызывающие нотки, напрочь отметающие возражения матери, и снова увидела перед собой ту самую отчаянную сумасбродную девчонку, которой когда-то так восхищалась, поэтому отвела глаза. *Свершилось*, подумала я, не в силах высказать свои тайные мысли. Так же как не могла признаться ей, что в тот роковой день мне тоже привиделась чернокожая женщина из народа гула и я слышала, что она прошептала на ухо Элеонор. Не могла я и открыть ей значение этих слов. Ей надо самой понять, что они значат. Сестра не стала возвращаться

на кухню, а стремительно выбежала на улицу, под проливной дождь, босиком и без зонтика, а нам с мамой оставалось лишь молча смотреть ей вслед.

Элеонор

В ту ночь мне снова приснилась женщина гула – впервые за все эти долгие годы. Я бродила под дождем более часа, не обращая внимания на то, что промокла до нитки, что неровный асфальт больно ранил босые ноги, и чувствуя лишь острую панику, которая охватила меня при известии о беременности Евы. Я вспоминала странный блеск в глазах мистера Бофейна, когда он рассказывал мне, как умерла его тетя. Может быть, мать не так уж не права в своих подозрениях. Но в тот момент я могла думать лишь о возможности ускользнуть от Евы с Гленом и матери, иметь в жизни что-то, совсем с ними не связанное. Какие бы тайны ни скрывали мистер Бофейн и его тетушки, меня это ни в коей мере не затронет – я уже достаточно очерствела душой после всех испытаний, выпавших на мою долю.

Когда я улеглась в постель, подушка тут же пропиталась водой от моих мокрых от дождя волос. Мне снился остров Эдисто, рассвет над бухтой Рассел, и я вновь ощущала под ногами рыхлую глину. Я сидела на пирсе – том самом пирсе, где я ждала возвращения отца. Оказалось, что все это время я и не переставала его ждать, просто не осознавала этого. И тут я снова увидела ее, ту женщину. Она сидела рядом со мной на пирсе, как и тогда, плетя корзинку из душистой зубровки, и ее ловкие пальцы мелькали, перебирая стебли, словно слова, из которых складывалась причудливая история. Ее темная кожа блестела от пота, хотя я совсем не ощущала жары под порывами свежего ветерка с океана, приносящего резкий привкус соли и запах моего собственного пота. Это были запахи моего детства, а фоном звучала музыка, которую творили мы с отцом. Внезапно на меня словно пахнуло холодом, от острого приступа отчаяния в горле пересохло, и стало невозможно дышать.

Мне отчаянно хотелось расплакаться, но я чувствовала, что женщина пристально смотрит на меня темными глазами, и я невольно повернула голову, чтобы встретиться с ней взглядом, в то же время боясь, что пропущу что-то, что я так упорно высматривала на горизонте.

Чтобы дерево исцелить, нужно корни лечить...

Я не могла понять, произнесла ли она эти слова вслух или же они просто прозвучали в моей голове. Но я вдруг поняла, что не одинока в борьбе со своими демонами, и плотный комок в горле, мешавший мне дышать, вдруг начал таять. Словно наметку выдернула из ткани: ухватилась за ниточку и потянула, пока не исчезли все стежки.

Я наклонилась к ней, чтобы спросить, что она хотела этим сказать, но в этот момент снова оказалась в собственной постели с подушкой, пропитанной каплями дождя с моих мокрых волос. Я вскочила, не понимая, что же разбудило меня. Моргая в предрассветных сумерках, я заметила, что дверь в спальню приоткрыта.

– Элеонор?

Я резко опустила ноги на пол и вскочила, отчего вдруг закружилась голова.

– Глен? Что ты здесь делаешь?

Он осторожно прикрыл за собой дверь, не пытаясь ко мне приблизиться.

– Я всего лишь хотел поговорить с тобой. Наедине. Чтобы понять... – Он замолк, но я поняла, что он собирался сказать. Он всегда был крайне предсказуем.

– Мои поздравления, – сказала я, удивляясь, как странно звучат эти слова. – Вы с Евой, наверное, очень счастливы.

Мы смотрели друг на друга в полутьме, и сумрачный свет раннего утра казался неразвевающимся дымом над полем сражения.

– Ева хочет детей... – И снова у него не хватило сил закончить предложение.

– Знаю, – сказала я. Мне отчаянно хотелось заорать на него или заплакать, но я сдержалась. Сердце мое разрывалось, мне так хотелось погладить его волосы, все еще мокрые после

душа, хотелось, чтобы он, повинувшись непреодолимому влечению, сделал шаг ко мне. Но он остался там, где стоял, и странным образом я почти испытала облегчение.

Он открыл было рот, чтобы сказать что-то еще, но я быстро подняла руку, не в силах это вынести.

– Она твоя жена, Глен. Тебе вовсе не надо оправдываться передо мной.

Он стоял, сжав зубы, с прямой, как струна, спиной, словно солдат, которым когда-то хотел стать.

– Надеюсь, ты будешь рада за нас.

– Конечно, – солгала я. – Ведь вашими усилиями я стану тетушкой.

Он поморщился.

– Я не хотел, чтобы это случилось. Я имею в виду не ребенка, – быстро уточнил он. – А нас с тобой.

Я вспомнила его скороговоркой произнесенные слова перед тем, как я отправилась в бар Пита, и обещание, что теперь все будет по-другому. Он не удосужился сообщить мне, насколько все изменится. Я невольно расхохоталась, но смех мой больше напоминал иссушающий ветер над пустыней.

– А между нами никогда ничего и не было. К тому же не думаю, что вселенной есть дело до наших истинных желаний.

Из щели между занавесками вырвался солнечный луч, и я успела заметить, как Глен передернулся от боли. Внезапно мы вздрогнули от раздавшегося звонка будильника в холле внизу.

– Мне просто хотелось удостовериться, что с тобой все в порядке, – сказал Глен, задержавшись на секунду, прежде чем открыть дверь, а затем выскользнул из моей комнаты так же крадучись, как и вошел в нее.

Я слышала, как пробуждается дом, как журчит текущая из крана вода, слышала осторожные шаги матери по старым деревянным половицам, словно ровным счетом ничего не изменилось. Я поднялась с постели и направилась в душ. Из комнаты матери доносился приглушенный шепот – она произносила слова утренней молитвы.

Ледяные струи воды приятно охладили горячую кожу, напомнив мне о сне, в котором я сидела на пирсе и вглядывалась в горизонт, словно ища нечто, что не могла назвать, и гадала, можно ли скорбеть о том, что никогда не существовало.

Глава 6

То, что я родилась на Эдисто, означало, что я никогда не хотела жить где-то еще. Остров простирается вдоль побережья Южной Каролины на полпути между Блаффтоном и Чарльстоном, охраняя пролив Святой Елены, словно морской ястреб свое гнездо. Как и большинство островов у побережья штата, он был заселен тысячи лет назад, и за него постоянно велась ожесточенная борьба, но для меня он был воплощением красоты синего неба, травы и соленых волн в бухтах, цвет которых менялся в зависимости от времени года. Любому, кому посчастливилось побывать на острове, хотелось остаться там навеки. А те, кому пришлось его покинуть, всегда слышали в своем сердце его зов. Я чувствовала запах сохшей глины, когда мы ехали по мосту через реку Доухо на пути к Эдисто. И мне казалось, что я слышу жужжание насекомых, в изобилии обитавших среди высоких трав возле проливных каналов и протоков, которые тянулись вокруг нас, изогнутые, словно изуродованные артритом пальцы. Я внимательно всматривалась в горизонт – туда, где океан встречался с землей, словно стараясь рассмотреть лодку, на которой мой отец выходил на ловлю креветок. Но его лодка давно исчезла, как и суденышки других рыбаков, которые когда-то называли Эдисто домом. Этот промысел умирал уже тогда, когда им занимался мой отец. Все, что от него теперь осталось, – это воспоминания и выцветшие фотографии да рассказы стариков, которые помнили те славные дни, когда охраняемые коттеджные поселки и поля для гольфа, как неистребимые сорняки, еще не начали постепенно захватывать острова у побережья Южной Каролины.

– Ну и как вам машина? – спросил мистер Бофейн. Финн. Я обнаружила, что мне проще называть его по имени, когда мы общались вне офиса. Он спрашивал о белой «Вольво SUV», которую предоставил мне для поездок на остров. Обычно ее использовала няня Женевьевы, но в то время она находилась в Бельгии со своей семьей и должна была вернуться только к началу учебного года.

– Она великолепна, – ответила я. – Чувствуется, что ведешь легковой автомобиль, а не грузовик. Только не заставляйте меня выполнять параллельную парковку.

Я никогда не могла представить и даже не надеялась, что когда-нибудь буду иметь в своем распоряжении автомобиль, поэтому чувствовала себя довольно странно за рулем любой машины, а тем более такой шикарной, в салоне которой еще пахло новой кожаной обивкой.

Финн тепло улыбнулся, и я с трудом узнала своего босса. На сей раз он обошелся без черного делового костюма и был одет в трикотажную тенниску с отложным воротником и брюки цвета хаки. Казалось, повадки делового человека были отброшены вместе с костюмом, теперь передо мной был мужчина, который вел себя гораздо непринужденнее и даже умел тепло улыбаться. Хотя, как я подозревала, и у него могли быть скелеты в шкафу.

– Не думаю, что в этом будет необходимость. У дома тетушки Хелены полно мест, где можно припарковаться. А за домом на Гиббс-стрит у меня есть бывшее помещение для карет, переделанное в гараж. Это на тот случай, если вам придется заехать, чтобы забрать какие-нибудь вещи моей дочери, – торопливо добавил он, поняв, как и я, что предположил возможность моего появления в своем доме.

– Когда тетя Хелена поправится, мне бы хотелось, чтобы они побольше общались с Джи-джи.

Я кивнула и включила поворотник, когда Финн сказал, что надо свернуть на Стимбоут-лэндинг-роуд. Мне редко приходилось водить машину на Эдисто. Конечно, я знала каждую дорогу, каждый подъезд к пляжу, но изучала их в основном с велосипеда или с плоскодонной лодки. К тому времени, как мы уехали с острова, я уже получила водительское удостоверение, но по-прежнему предпочитала передвигаться на лодке или велосипеде.

Мы повернули еще раз и начали спускаться по узкой грязной дороге, ведущей к огромному белому дому, словно нависающему над бухтой Стимбоут. Там, у причала, я когда-то в детстве видела Финна, пускающего бумажные самолетики, которые уносил ветер. Я тогда плавала на лодке в компании Люси, и мы принялись поспешно грести в другом направлении, чтобы не попасться ему на глаза. Нам очень не хотелось, чтобы городской мальчишка начал просить покатать его.

Я вовсе не думала, что об этом случае стоит рассказывать Финну, ведь он в детские годы, видимо, достаточно страдал от одиночества.

Шины зашуршали по грунтовой дорожке, вдоль которой росли кусты восковницы. Мы проехали мимо целой рощи pekanовых деревьев и наконец оказались у белого особняка с красной крышей. Дом уже две сотни лет стоял у самого изгиба бухты, как раз в том месте, где она соединялась с рекой Северная Эдисто. По его горделивому виду было ясно, что он планирует оставаться там, по крайней мере, еще столько же. Сразу после pekanовой рощи из земли торчал резной деревянный щит с названием поместья – «Лунный мыс», казавшийся не менее древним, чем сам дом.

Я пристроила машину за внушительных размеров белым «Кадиллаком» – вероятно, реликвией из восьмидесятых годов. Финн поймал мой изумленный взгляд и криво усмехнулся.

– Давно бы следовало избавиться от этого чудища, но, боюсь, тетушка Хелена сочтет это попыткой покушения на свою независимость, даже если будет уверена, что никогда больше не сядет за руль этой машины.

Я кивнула в знак понимания. Если бы не Люси с ее полуразвалившимся «Бьюиком», я бы при моих обстоятельствах чувствовала себя словно мышка, мечущаяся в лабиринте, отчаявшись найти выход. Я выключила зажигание, и мы пару минут сидели в полном молчании. Финн постукивал длинными пальцами по коленям, и я с удивлением поняла, что он нервничает. Меня охватило легкое беспокойство.

– Она ведь знает, что мы приедем, да? – неуверенно спросила я.

Немедленного ответа не последовало, что подтвердило мои подозрения. Я едва удержалась, чтобы без сил не откинуться на подголовник и не показать свое разочарование.

– Что же нам делать, если она не захочет, чтобы я осталась?

Он повернул голову и воззрился на меня холодным взглядом серых глаз.

– В своем нынешнем состоянии она не в силах понять, что отвечает ее интересам. Как ее опекун и единственный оставшийся в живых взрослый родственник, я решаю, что ей на пользу, а что нет. А также – что приемлемо для меня. Я не могу посвящать ей все свое время, но знаю, что она по-прежнему хочет жить в этом доме. И предложение, которое я сделал вам, – единственная возможность решить эту проблему в сложившихся обстоятельствах.

– Хорошо, – сказала я, расправляя юбку и открывая дверь машины. Потом не удержалась и снова посмотрела на него. – Было бы лучше, если бы вы мне все это объяснили прежде, чем...

Я чуть было не добавила *«давать мне надежду»*.

Он взглянул на меня с пониманием, а я подумала, что его серые глаза все замечали, но при этом было совершенно невозможно понять, что скрывается в их глубине.

– Все у нас получится, Элеонор. Не сомневаюсь в этом.

Хотя это и были только слова, слишком велико было искушение поверить ему, и я расслабилась.

Особняк был точно таким, каким я его помнила – с высоким цоколем, фундаментом из земляного бетона и портиками во всю ширину стен с фасада и задней стороны, с которых открывался вид на бухту и реку. Я была удивлена, обнаружив, что дом в прекрасном состоянии, видимо, после недавнего ремонта, так как представляла, что он такой же старый и больной, как и его хозяйка, но вовремя вспомнила, что за его содержание отвечает Финн.

Белая дощатая обшивка сверкала под нежными лучами утреннего солнца, знакомые запахи и звуки острова снова вернули меня в прошлое – я вспоминала счастливое босоное детство на пляже, когда мы с Люси, Евой и ребятней, приехавшей на остров летом, охотились на моллюсков, выкапывая их из песка. Сердце сжалось от легкого приступа боли, напоминая мне причину, по которой я никогда не возвращалась к этим благословенным дням. Воспоминания лишь все усложняли, словно вспышка фотокамеры, от которой вы слепнете и можете споткнуться.

На ступеньках, ведущих на крыльцо, стояли пустые цветочные горшки, почва в них засохла и растрескалась. Шесть белых плетеных кресел-качалок смотрели на реку, медленно раскачиваясь, словно привидения. Финн не стал стучать в тяжелую деревянную дверь или нажимать на звонок, а просто вошел в дом и жестом велел мне следовать за ним.

После яркого света я вдруг оказалась в темноте и часто заморгала. Несмотря на то что окна шли по всему фасаду здания, внутри было на удивление темно. Когда глаза немного привыкли к сумраку, я обнаружила, что нахожусь в холле с высокими потолками, лестница с тяжелыми деревянными балюстрадами вела на второй этаж.

Стены прихожей и лестница были обшиты деревянными панелями. Лестницу устилала темно-синяя ковровая дорожка с восточным орнаментом. Все деревянные детали были покрашены в белый цвет, и лишь это спасало дом от того, чтобы не казаться ужасающе мрачным. Глаза привыкли к темноте, и я увидела, что тяжелые шторы на окнах плотно задернуты. Когда я перевела взгляд, чтобы получше рассмотреть обшитые деревом стены, то поняла, почему здесь так боялись света.

На стенах висела целая коллекция написанных маслом картин, видимо, именно их изысканные краски и пытались с помощью штор защитить от воздействия солнечных лучей. Эти картины вовсе не были похожи на те, которые обычно украшают стены в домах, особенно здесь, на острове. Несмотря на свое полное невежество в области изобразительного искусства, я с полной уверенностью могла сказать, что они очень старинные. Подойдя поближе к картине с изображением обнаженного древнегреческого бога с трезубцем в руках, восседающего на облаке в окружении херувимов, я различила крошечные трещинки в краске. В то же время было очевидно, что полотна помещены в рамы отнюдь не рукой профессионала. Они слегка обвисли в рамах, и были видны небольшие складки, как будто холсты продолжительное время находились в свернутом состоянии.

Опережая мой вопрос, Финн пустился в объяснения:

– Тетушки привезли их из своего дома в Венгрии. Я уже устал упрашивать, чтобы они позволили отреставрировать картины и подобрать им надлежащие рамы. Или хотя бы провести их оценку. Тетя Хелена запретила к ним даже прикасаться.

Я бросила взгляд через холл в сторону комнаты, которая, очевидно, была столовой. Там висел большой пейзаж, изображающий вазу с фруктами, а его окружали едва заметные на фоне стены пустые прямоугольники, где, очевидно, когда-то висели другие картины.

– Время от времени она перемещает картины, некоторые снимает и вешает вместо них другие или вообще оставляет эти места пустыми. В детстве я практически каждое лето наблюдал, как она это делает, но, представьте, мне никогда не удавалось упрямить ее рассказать об этих картинах. В конце концов я оставил эти попытки, решив, что причиной всему ее эксцентричный нрав.

Я удивленно подняла брови. С «эксцентричными» людьми мне еще не приходилось сталкиваться.

– Но, смею вас заверить, эта эксцентричность ее нисколько не портит. Напротив, моя тетя очень мила.

Я чуть не рассмеялась, настолько забавно было слышать из его уст такую характеристику.

– А как насчет Бернадетт? Может быть, она рассказывала что-нибудь о картинах?

Он покачал головой.

– Хелена была старшей из сестер, и Бернадетт во всем полагалась на нее. Думаю, если бы старшая сестра умерла первой, все произошло бы точно так же, как сейчас. Как Хелена не хотела жить без сестры, так и Бернадетт не видела бы смысла своего существования без нее. – В глубине его глаз промелькнуло какое-то неясное выражение. – Я их обеих любил, но Бернадетт почему-то казалась такой... сломленной, что ли...

Он внезапно замолчал, словно поняв, что высказал свои тайные мысли, и тут же пожалел об этом.

В этот момент нас заставили обернуться звуки шагов, приближающихся к нам из глубины дома.

Рыжеволосая женщина средних лет в ярком цветастом платье и удобных туфлях вошла в комнату и теперь стояла у подножия лестницы. Она была небольшого роста, довольно полная, и ей пришлось поднять голову, чтобы разглядеть нас. Ее лицо просияло, когда она узнала Финна.

– Мне показалось, что я услышала голоса. Мистер Бофейн, как я рада вас видеть. – Она вдруг нахмурилась, и между бровями появилась глубокая треугольная морщина. – Боюсь, мисс Хелена сегодня не слишком хорошо себя чувствует. – Она перевела на меня взгляд, полный упрека. – Не думаю, что она готова принимать посетителей.

– Тетя Хелена в последнее время постоянно себя плохо чувствует. Думаю, настало время это изменить, правда?

Он жестом пригласил меня выйти вперед.

– Сестра Кестер, это Элеонор Мюррей. Она будет находиться с мисс Хеленой и делать все возможное для ее скорейшего выздоровления, чтобы вы с сестрой Уэбер могли иметь время для отдыха.

Он улыбнулся, но на сей раз его улыбку нельзя было назвать приятной. Скорее это была улыбка человека, который привык к повиновению окружающих. Или ведущего ток-шоу, который уже знает, что находится за кулисами. Он снова стал боссом, которого я знала на работе.

– Если только, – продолжал он, – ее состояние не ухудшилось и не случилось ничего непредвиденного, о чем мне не сообщили.

Сестра Кестер покраснела.

– Что вы, сэр. Она просто отказывается общаться и не хочет есть. Но сейчас она наконец уснула.

Финн кивнул.

– Давайте дадим ей немного отдохнуть, а я пока покажу Элеонор дом. Пожалуйста, дайте мне знать, когда она проснется.

Сиделка ушла, а мне безумно захотелось отдернуть шторы. Моя душа жаждала света. Так было всегда, с самого детства. Может быть, потому, что я выросла на побережье бескрайнего Атлантического океана, где мы первыми на континенте каждое утро встречали солнце, и отраженный водой солнечный свет постоянно заливал наш мир, как будто тьмы не существовало вовсе.

– Я нанял двух сиделок, которые находятся с ней круглосуточно, они выстраивают свой график таким образом, чтобы одна из них всегда была здесь. Там, за кухней, есть бывшая комната для прислуги, которую мы переоборудовали в маленькую спальню, где они могут спать по соседству с Хеленой. Боюсь, она не даст им расслабиться. А теперь позвольте мне показать вам дом.

Напротив переднего входа располагался короткий коридор, из которого вышла сестра Кестер, он вел на кухню и в заднюю часть дома. Далее располагалась столовая, а напротив – еще одна комната со входом в виде арки с каннелюрами, покрытой ослепительно-белой краской. С места, где я стояла, были видны задние ножки деревянной скамьи с мягким сиденьем, при виде которой по моей спине побежал легкий холодок.

Тут зазвонил мобильный телефон, и Финн, извинившись, отошел, чтобы ответить на звонок, предоставив мне передвигаться по дому самостоятельно. Я остановилась на пороге той самой комнаты, испытывая нестерпимое желание отдернуть шторы, чтобы впустить в нее свет. Стены были покрыты обоями с кроваво-красным цветочным орнаментом, отчего комната казалась еще темнее. С высокого потолка свешивалась большая хрустальная люстра. Я нащупала на стене выключатель и включила свет. Лампочки слабо светились сквозь сверкающие разноцветными огоньками хрустальные капельки, и, когда их неяркий свет развеял темноту, я увидела на стене несколько картин, кое-как вставленных в рамы. Но я не стала предаваться изучению произведений искусства, мое внимание было привлечено огромным роялем, который безраздельно царил в комнате.

Холодок, начавшийся от основания спины, побежал вверх до самых кончиков пальцев, словно река, выходящая из берегов. Рояль был из полированного черного дерева, как когда-то и наш инструмент, длиной более шести футов. Изящные ножки заканчивались внизу медными колесиками. Он величественно стоял на персидском ковре, постеленном, несомненно, для того, чтобы защитить деревянные полы от тяжелого инструмента, но остальное пространство пола было открыто. Я лишь могла представить, какие божественные звуки он издает в комнате с высокими потолками и практически без мебели, за исключением пары небольших стульев и диванчика на двоих.

Но крышка клавиатуры, как и верхний щит, были закрыты, и, несмотря на то что на рояле не было пыли, лишенный музыки, он казался заброшенным и как будто скорбел о чем-то. Я подумала о пожилых леди, которые здесь жили, о смерти Бернадетт, о Хелене, которая чуть не последовала за сестрой в мир иной, и вдруг осознала, что весь дом вместе с роялем был в глубоком трауре. Когда умер отец, я тоже закрыла крышку своего пианино, и в нем навсегда остались невысказанные слова прощания. Я не прикасалась к нему, и когда мы переехали в Чарльстон, пока новые владельцы не увезли его на большом грузовике.

– Когда состояние Хелены улучшится, уверен, ей понравится, если в доме снова зазвучит музыка.

Я обернулась, вздрогнув от голоса Финна за спиной. Я кивнула, настолько переполненная воспоминаниями, что ничего не могла сказать в ответ, и застыла на месте, не в силах идти дальше. Мне казалось, если я сделаю это, рояль растает в воздухе, как будто его там никогда и не было. Ведь так происходило со всем, что было мне дорого. Я слотнула и с трудом произнесла:

– А Хелена умеет играть на фортепьяно?

Казалось, серые глаза Финна смотрели на меня оценивающе, и я обнаружила, что мне трудно в них смотреть. Складывалось такое впечатление, будто он знал что-то, что было мне неизвестно, и раздумывал, сказать мне об этом или предоставить выяснить самой.

– Когда-то она на нем играла, – сказал он. – Они с Бернадетт были весьма одаренными в музыкальном отношении. Они занимались вокалом и играли на фортепьяно. Но Хелена превосходила сестру в этом искусстве, хотя это и сложно представить сейчас. – Он на мгновение замолчал, думая о чем-то. – У Бернадетт была безупречная техника, но Хелена словно сливалась с музыкой, когда играла.

Я отвела от него взгляд, смущаясь от того, что глаза мои невольно наполнились слезами. Дело в том, что отец говорил то же самое обо мне. Он утверждал, что можно научить всем техническим тонкостям исполнения, но совершенно невозможно научить так чувствовать музыку, как чувствовала я.

– Может быть, она захочет что-нибудь сыграть для меня? – с трудом выдавила я из себя. Он покачал головой.

– Нет, дело в том, что она страдает от ужасного артрита. Уже годами не подходит к инструменту. Я привык считать этот рояль инструментом Бернадетт, так как, сколько себя

помню, на нем играла именно она. Возможно, она и не была такой одаренной, как Хелена, но беззаветно любила музыку.

Я оглянулась на безмолвный рояль с опущенной крышкой, думая о том, что он, наверно, видел на своем веку не меньше прощаний, чем мой бывший инструмент.

– Пойдемте дальше, – произнес Финн, слегка касаясь моего плеча. – Я хочу показать вам оставшуюся часть дома.

Я последовала за ним, спеша покинуть комнату с роялем и не предаваться иллюзиям по поводу связанных с ней надежд.

Особняк был огромным – с четырьмя спальнями, большой столовой, музыкальной комнатой и просторной кухней, видимо, недавно оснащенной самым современным оборудованием и утварью.

В северо-западном углу дома была устроена застекленная терраса с видом как на реку, так и на бухту, на террасу можно было пройти через кухню. В детстве эта комната всегда привлекала мой интерес, и я украдкой разглядывала ее из своей лодки, представляя, каково это – находиться в помещении со стеклянными стенами. Два весьма потрепанных жизнью кресла были развернуты в сторону реки. На столике между ними в беспорядке валялась целая куча книг. Книги были навалены и на кушетках с выцветшей обивкой в тон креслам, причем одна из них была открыта и лежала корешком вверх.

Это помещение тоже казалось заброшенным, но тем не менее создавалось такое впечатление, что обитатели только что положили книгу на кушетку, собираясь скоро вернуться. На низкой полке тикали небольшие бронзовые каретные часы с ручкой, отмеряя время неизвестно для кого. На стене, в которой была дверь – единственной не застекленной, – почти до потолка тянулись полки с книгами, различными безделушками и целой коллекцией соломенных корзинок. Из всех комнат, которые я уже успела увидеть, эта понравилась мне больше всего. На одной из полок стояла низкая овальная корзинка, и когда я огляделась, то обнаружила, что не только полки, но и все пространство было заполнено корзинками всех форм и размеров. Несколько больших корзин попадались и в доме, но здесь они просто заполнили все пространство.

– Их собирала тетушка Бернадетт, – объяснил Финн. – Каждый раз, проезжая по Семнадцатому шоссе, тетя не могла не остановиться, чтобы не купить парочку у местных торговцев. И во время походов на рынок в Чарльстоне она не в силах была удержаться от искушения. Ей нравилось поверье о том, что в каждую корзинку вплетена своя история, своя тайна. – Он взял в руки маленькую круглую корзинку с крышкой и принялся ее рассматривать. – Они теперь, наверно, ничего не стоят, но сомневаюсь, что тетя Хелена когда-либо захочет от них избавиться.

Я прикоснулась к глубокой круглой корзине, наполненной старыми каталогами, которая стояла в самом центре веранды.

– Мать и бабушка моей подруги Люси держали лавочку как раз на Семнадцатом шоссе. Я любила наблюдать, как они плетут свои корзинки, мы с Люси пытались запомнить узоры и угадать, какой именно они используют. А потом я переехала... – Мой голос замер, потому что я подняла глаза и увидела, что Финн пристально смотрит на меня. Я прошла мимо него и вышла из комнаты, делая вид, что мне не терпится продолжить осмотр дома.

Все спальни располагались наверху, однако находившаяся на первом этаже гостиная, в которую можно было попасть из столовой и кухни, была превращена в комнату для Хелены. Мы тихо прошли мимо закрытых дверей, и Финн провел меня к лестнице, ведущей на второй этаж.

– Скорее всего вам не понадобится бывать здесь часто, если только не придется остаться на ночь в случае необходимости. Я нанял экономку, миссис Адлер, которая приходит три раза в неделю, готовит, убирает комнаты и наполняет холодильник едой, поэтому на кроватях все-

гда чистые простыни. У моей дочери здесь тоже есть своя комната с тех пор, как она стала приезжать погостить к тетям, но в последнее время она делает это нечасто.

Я заметила, что при этих словах он нахмурился. Мы поднялись по лестнице и пошли по коридору мимо четырех дверей, три из которых были закрыты.

– Спальня для гостей находится в конце коридора. Это была комната Хелены, но пять лет назад, когда ее совсем замучил артрит в колене, нам пришлось перевести ее вниз. Спальня Джимми находится рядом. – Он остановился рядом с последней закрытой дверью. – А это была комната Бернадетт. Хелена не хочет, чтобы сюда кто-нибудь заходил.

Я кивнула, вспоминая, как сама хотела превратить кладовку в задней части дома, где отец хранил рыбацкие куртки и сапоги, в некое подобие святилища и никого туда не пускала. Однако именно из этой комнаты в первую очередь выгребли весь скарб, когда мать решила, что нам необходимо переехать.

Я сделала несколько шагов и остановилась перед открытой дверью.

– А здесь что?

Финн остановился прямо за моей спиной, я почувствовала его теплое дыхание на своей шее.

– А здесь хранятся реликвии прошлого.

Я приоткрыла дверь пошире и остановилась на пороге, рассматривая то, что предстало перед моими глазами.

Низкая односпальная кровать на ножках была покрыта темно-синим стеганым покрывалом с изображениями небесных тел, любовно вышитых яркими разноцветными нитками. Все стены покрывали звездные карты и фотографии космических кораблей, а потолок был усеян маленькими крючочками, на которых на рыболовной леске были подвешены летательные аппараты – модели ракет, военных и пассажирских самолетов, а также планеты Солнечной системы и искусно сложенные бумажные самолетики. Я повернулась к Финну, не в силах сдержать улыбку.

– Так это была ваша комната!

Его лицо оставалось непроницаемым.

– Вы угадали. Я жил здесь каждое лето с тех пор, как мне исполнилось девять, и до самого поступления в колледж. Тетушки не видели причин менять здесь обстановку. Для них я всегда оставался ребенком.

Я попыталась примирить образ человека, с которым общалась сейчас, с маленьким мальчиком, который жил в этой комнате, собирал модели самолетов и ракет и мастерски складывал бумажные самолетики, но у меня ничего не получилось. Тот мальчик давно исчез, и я подумала, что, может быть, он тоже видит зияющие дыры на лице, когда смотрит на свое отражение в зеркале.

– Понимаете, я хотел стать астронавтом, – тихо произнес он, и по выражению его лица я поняла, что он и сам удивлен своим признанием не меньше меня. Я пристально посмотрела ему в лицо.

– А я однажды вас видела. Вам тогда, наверное, было лет двенадцать. Может быть, я встречалась с вами и раньше, но именно тогда в первый раз я догадалась, что вы и есть тот самый мальчик, который приезжал на лето в дом двух пожилых леди и которому не разрешали с нами играть. – Тут я покраснела, осознав, что только что ляпнула. Я продолжала говорить, чтобы скрыть смущение. – Вы играли с бумажным самолетиком и бросили его в воздух над бухтой, но он завертелся и упал на песок на берегу. На следующий день я специально пошла туда, чтобы разыскать его, и мне это удалось.

– Знаю, – мягко сказал он. – Я вас видел. С нашего причала. Дальше этого места тетушки не разрешали мне ходить.

Теперь уже настал мой черед нахмуриться.

– Значит, вы знали, кто я? Я имею в виду, когда принимали меня на работу?

Он покачал головой.

– Нет. Не знал до того самого момента, как встретил вас в этом ужасном баре и вы сказали мне, что выросли на Эдисто. Только тогда я понял, кто вы на самом деле. Помню, видел вас как-то с матерью и сестрой в церкви.

«*Да нет, – хотела сказать я, – вы запомнили вовсе не меня, а Еву*». Во время всех субботних богослужений я всегда была одета в одни и те же юбку с блузкой – единственную одежду на выход, которая у меня была, а Еву мать всегда наряжала, словно на конкурс красоты. Меня никто никогда не замечал, если сестра была рядом.

– Да, мир тесен, – сказала я, снова выходя в коридор, прочь от маленького мальчика, который все еще жил в этой комнате.

Он не ответил, лишь резко захлопнул за нами дверь. На верхних ступенях лестницы в конце коридора появилась сестра Кестер.

– Мистер Бофейн, мисс Хелена проснулась. Я сообщила ей, что вы здесь с мисс Мюррей, и она притворилась, что снова уснула.

Финн посмотрел мне в глаза и невозмутимо спросил:

– Ну как, вы готовы к встрече?

Я не могла понять, готова я или нет, но, похоже, мне не оставили выбора.

– Да. Готова.

Я пошла вслед за ним и сестрой Кестер вниз по лестнице, все время чувствуя рядом призрачное присутствие мальчика, который когда-то мечтал стать астронавтом. И еще меня не покидали мысли о рояле, терпеливо ждущем, когда же из его недр снова зазвучит музыка.

Глава 7

Хелена

Я еще издали услышала голос девушки и вздрогнула, потому что он был странным образом похож на голос моей Бернадетт – такой же нежный, как легкий ветерок, с которого начинается ураган. Я повернула голову, почти готовая встретить ее, но потом вспомнила – моя сестра ушла в мир иной, исчезла, как утренняя изморозь на окне, которая тает у тебя на глазах. Я закрыла глаза и отвернулась к стене, пытаюсь пусть на несколько мгновений представить, что я все еще в спальне с видом на Дунай в маленьком домике на улице Ури на холмах Буды, а моя прекрасная Бернадетт тихо спит в стоящей рядом кровати.

– Наверное, мне следует приехать в другой раз, – произнесла девушка. Но я слышала, что шаги Финна приближаются – твердые и решительные еще с пятилетнего возраста. Я знала, что он и не собирается уезжать, пока не выполнит все, ради чего сюда приехал.

Я слышала, что они остановились на пороге, разглядывая меня, и старательно изображала медленное, ровное дыхание. Мои мысли погрузились в далекое прошлое, туда, где бакалейщик из магазина напротив – я помнила, как он выглядел, хотя напрочь забыла его имя – кричит на моем родном языке на мальчишек из семьи Ласло. Сорванцы на пути в школу забавлялись тем, что крали у него с прилавка перед магазином линцерское печенье. Я почти чувствовала сладкий медовый запах *mézeskalács* — пряников, которые на первом этаже пекла *anyukám* — наша мама, и от этого вдруг впервые за долгое время мне захотелось есть.

Я подумала, что если еще немного полежу с закрытыми глазами, то увижу, как Бернадетт встает с постели и начинает утреннюю молитву. Мне безумно хотелось поговорить с ней, разве она об этом не знает? *«Пожалуйста, Бернадетт, просыпайся»*.

– Вы спите, тетя Хелена?

Твердый голос Финна вырвал меня из воспоминаний и мгновенно стер видение моей старой спальни, как обрушивающаяся на берег волна сметает замок из песка. Я медленно повернула голову и взглянула в лицо внучатого племянника, у которого были точно такие же глаза, как у Бернадетт, с такими же бровями вразлет. Я иногда думала, что, может быть, именно из-за этого сходства так всегда любила его. Казалось, судьба дает нам с сестрой второй шанс.

– Тетя Хелена? – снова позвал он, беря меня за руку. Я не осознавала, насколько холодна моя кожа, пока не почувствовала на ней тепло его ладони.

– Я еще не померла, если ты хочешь знать именно это.

Я все еще произносила звук «а» как нечто среднее между «а» и «о», так как за все эти долгие годы не смогла отделаться от акцента.

Его глаза улыбались, но лицо было серьезным – выражение, которое моя сестра довела до совершенства. Меня это поначалу всегда обескураживало, так как было непонятно, что они думают на самом деле.

– Я привез Элеонор, чтобы познакомить с вами. Я вам о ней рассказывал, помните?

Я сощурилась при виде неясной фигуры рядом с ним и тут почувствовала, что сестра Кестер надела на мой нос очки и сунула под голову еще одну подушку, чтобы я могла подняться в полусидячее положение.

Я нахмурилась при виде худощавой девушки со светло-каштановыми волосами и широко поставленными голубыми глазами, удивляясь, зачем Финну вздумалось притащить ее сюда. Наверное, в глазах других она казалась застенчивой, так как чуть-чуть сутулилась, а плечи ее были напряжены, словно она готовилась к удару. Но тут она вышла вперед, больше не пытаюсь прятаться за спиной Финна, и посмотрела мне прямо в глаза. Она напомнила мне одну из рус-

ских матрешек, которую однажды подарила мне на Рождество мать – внутри каждой фигурки пряталась другая меньших размеров, скрываясь от ваших глаз до тех пор, пока вы не откроете первую, самую большую.

Я еще сильнее нахмурилась.

– Да, ты об этом говорил. Я ведь велела тебе не беспокоиться. Мне здесь не нужны лишние люди, которые только будут создавать суету в доме. Мне вполне достаточно миссис Адлер и моих сиделок с их возней вокруг меня со шприцами. Удивительно, как с таким количеством дырок от уколов я еще не превратилась в швейцарский сыр. Если у меня появится еще одна так называемая помощница, я уже через месяц отправлюсь на тот свет.

Финн едва заметно поморщился, и я поняла, что мы оба вспомнили тот день, когда он обнаружил меня на полу рядом с постелью Бернадетт, заигрывавшей со смертью, как со старым возлюбленным.

– Со мной сейчас все в порядке, – добавила я, чуть смягчив тон.

– А вот со мной нет, – сказал он. – Я не могу все время находиться рядом с тобой, и мне кажется, что тебе здесь одиноко в компании одних сиделок. Элеонор могла бы читать тебе или вести приятные беседы, обсуждать книги, кинофильмы. А когда ты поправишься, она сможет отвести тебя в церковь, чтобы повидаться со старыми друзьями.

Я замерла, возмущенная тем, что он решил вернуть меня к прежней жизни, словно все, что случилось, было выдумкой, как в тех старых кинофильмах, которые мы с Бернадетт иногда смотрели. А потом я вспомнила – *он ведь ничего не знает*. Эта тайна была известна лишь мне одной. Это словно спелый плод, совершенный снаружи, гнилую сердцевину которого можно обнаружить, лишь надкусив его.

Я отвернулась, опасаясь, что он сможет прочесть мои мысли по лицу.

– Она играет на фортепьяно, тетя Хелена. Причем так же хорошо, как тетя Бернадетт, по крайней мере, мне так кажется. Когда вам станет лучше, она поиграет для вас.

Девушка явно напряглась, и я снова повернулась, чтобы получше разглядеть ее, хотя тонкая фигурка все еще пряталась в тени. У нее было одно из тех прелестных лиц с тонкими чертами, которые иногда не замечают в присутствии ярких красавиц – они словно нежный тюльпан в саду, полном алых роз. И, судя по ее болезненной застенчивости, было совершенно очевидно, что она даже и не подозревает, насколько очаровательна.

– Что-то она не похожа на пианистку, – проворчала я, пристально рассматривая девушку. Она медленно подняла подбородок и взглянула на меня оценивающим взглядом.

– Вы тоже не очень-то похожи.

Финн взглянул на нее с явным удивлением, а я с трудом сдержала улыбку и усердно продолжала хмуриться.

– Скажите-ка, милочка, кто ваш любимый композитор?

Не опуская взгляда, эта чертовка ответила:

– Мы сможем обсудить это позже, после того, как вы что-нибудь поедите. Кажется, сестра Кестер сказала, что оставила ваш обед в холодильнике. Не хотите, чтобы я вам его принесла?

Я покачала головой.

– Нет, пусть это сделает Финн. А вас попрошу остаться.

Финн вопросительно посмотрел на девушку, она медленно кивнула.

– Я сейчас вернусь, – сказал он.

Мы обе проводили его взглядами, а затем я закрыла глаза.

– Вы мне здесь не нужны. Будет лучше, если вы скажете Финну, что больше не хотите выполнять эту работу. Скажите ему, что со мной слишком много хлопот, что я слишком недоброжелательна к вам и вы не хотите зря тратить на меня время.

Она стояла так тихо, что я было подумала, будто она ушла. А потом она заговорила:

– Сожалею, но я не могу так поступить.

Я не знала, что в большей степени вызвало мой гнев – ее отказ повиноваться или слова сожаления. Что значит – она сожалеет? Что она вообще знает об этом! Только я могла испытывать сожаление, что мне не дали умереть вместе с Бернадетт, чтобы прекратился полный скорби плач, который неотступно преследовал меня. Мой голос задрожал от негодования, которое я не могла, да и не пыталась скрыть:

– Вы когда-нибудь чувствовали горе, которое может прекратиться, лишь когда перестанет биться ваше сердце?

Она посмотрела на меня так, что мне захотелось отвести взгляд, – мое страдание, словно в зеркале, отразилось в ее потемневших глазах.

– Да, чувствовала, – сказала она так тихо, что я едва ее расслышала. Но эти слова обрушились, словно удар, и меня захлестнули медленные, пульсирующие волны боли. *Ах, вот в чем дело.* Я закрыла глаза, так как поняла причину, по которой Финн привез ее сюда. Я не представляла, как объяснить ему, что он ошибается, и разбитое сердце нельзя собрать по кусочкам даже в обществе другого разбитого сердца.

– Я вернусь сюда в субботу, – заявила девушка, слегка вздернув подбородок перед тем, как направиться к двери. На пороге она остановилась и заговорила, не поворачиваясь ко мне. – Моим любимым композитором когда-то был Шопен, но его музыка слишком напоминает мне об отце.

Она посторонилась, пропуская в комнату Финна и сестру Кестер с подносом в руках. Финну девушка сказала почти без эмоций:

– Встретимся в холле, когда вы соберетесь уезжать.

Мы с мальчиком смотрели, как она уходит, прислушиваясь к неторопливым, но четким шагам по деревянным половицам, и мне вдруг почудился поблизости призрак Бернадетт, радостно аплодирующий всему, что здесь только что произошло.

Элеонор

В детские годы на Эдисто я проводила с семьей Люси не меньше времени, чем со своей собственной. Мне нравилось, что во время воскресного обеда они всегда оставляли для меня местечко за столом и держали меня за руку во время предобеденной молитвы, словно я была одной из них, несмотря на белый цвет кожи.

И именно к ним домой я побежала, когда, наконец, обнаружили лодку отца, чтобы прижаться к необъятной груди Да Джорджи, бабушки Люси. Я оставалась с ними, пока не явилась мать и не забрала меня, заявив, что ей нужна помощь в подготовке к похоронам. После этого я никогда не возвращалась в их маленький домик на берегу бухты рядом с пакгаузом, так как единственное, чего я желала, – чтобы воспоминания притупились и чтобы мне не было так невыносимо больно.

Но я все еще слышала их голоса, говорящие на языке гула – своего рода смеси западно-африканских диалектов и английского языка, напевные звуки которого напоминали музыку и рождали симфонию слов, где нотами были округленные гласные и повышение тона в конце слов. Иногда, если мне удавалось упрямить, приложив к этому немало усилий, Люси говорила на гула, но только в том случае, когда мы были одни. Я как-то спросила, почему она так не хочет, чтобы ее слышали, и она объяснила, что гула – это язык для скорбных песнопений.

Я вспоминала об этом, когда мы с Финном ехали из поместья «Лунный мыс» с его темными комнатами и обитающей в них одинокой старой женщиной. Ее акцент был не так ярко выражен, как мне помнилось, словно время отшлифовало жесткие согласные, как океанские волны шлифуют камешки, которые выбрасывают на берег. Но мне казалось, что она по-прежнему думает на родном венгерском, и он тоже является для нее языком скорби.

– Ну и что вы обо всем этом думаете? – спросил Финн. Глаза его казались почти прозрачными от солнечных лучей.

– А разве не мне следует задать вам этот вопрос? – Я сосредоточилась на бегущей впереди дороге, чувствуя на себе пристальный взгляд его серых глаз.

– Я все еще хочу, чтобы вы выполняли эту работу, если вы спрашиваете об этом. Просто хочу удостовериться, что вы в ней по-прежнему заинтересованы. Вижу, что тетушка Хелена на первый взгляд произвела не слишком приятное впечатление.

Я кивнула и повернула на шоссе 174, проезжая столь знакомые с детства дорожные знаки, которые в моей памяти были словно книжные закладки, помечающие любимые места.

– У меня тоже есть сестра. И я понимаю ее боль. – Я замолчала, вспоминая слова, которые произнесла Хелена. – Но, думаю, в ее случае это не только скорбь по сестре. Такое впечатление, что она не хочет больше жить в этом мире. Понимаете, что я имею в виду?

– Да, – произнес он, не глядя на меня.

Я ожидала, что он скажет что-то еще, но мы продолжали наш путь в молчании. Воздух казался тяжелым от запаха соленой воды и прибрежных болот.

– Покажите мне свой дом, – вдруг сказал он. – Тот, где вы жили в детстве.

От неожиданности я резко затормозила, и нас рвануло вперед. Снова нажав на педаль акселератора, я спросила:

– А зачем?

– Извините. – Он покачал головой, словно извиняясь. – Забудьте об этом.

Он потер подбородок, словно от смущения, и я снова поразились тому, как отличался сидящий рядом со мной человек от босса, с которым я общалась в офисе. Там, облаченный в строгий черный костюм, с внушительными манерами, он был воплощением уверенности, самодостаточности и безупречности. Но теперь, после того как я увидела его глаза, когда он говорил о своей дочери... после того как побывала в его детской, заполненной моделями ракет

и бумажных самолетиков, я начала понимать, что за хладнокровным обликом самоуверенного делового человека, коим мне всегда казался Финн Бофейн, скрываются совсем иные черты, не предназначенные для посторонних глаз.

– Я покажу вам то место, где стоял наш дом. Его там больше нет – в конце девяностых в него ударила молния, и он сгорел дотла. Он стоял на берегу бухты Рассел, неподалеку от развалин Кирпичного дома. Мы взяли его в аренду у семьи, которой эти развалины принадлежат до сих пор. Я всегда считала, что это самое чудесное место в мире, и никогда не видела ничего красивее.

Несколько минут я молчала, думая о последних годах, прошедших после смерти отца, о доме в Северном Чарльстоне, наполненном обидами, невысказанными обвинениями и запоздалым раскаянием... доме, где никогда не звучала музыка.

– Я по-прежнему так считаю, – добавила я, удивляясь, что произношу эти сокровенные слова вслух.

Мы в полном молчании проехали вниз по шоссе 174 до Брик-хаус-роуд. Прямо перед воротами со знаком «Вход воспрещен» я повернула налево и поехала по грунтовой дороге. Мы проехали еще чуть-чуть, пока не показалась бухта Рассел, там я остановила машину, не выключая двигатель.

– Вы здесь бывали когда-нибудь? – спросила я, кивком показывая на торчащий поодаль остов старинной усадьбы без крыши, зияющие окна которой напоминали голодных птенцов, разинувших рты в ожидании пищи.

– Несколько раз, – ответил он, а затем замолчал на некоторое время, из чего я сделала вывод, что он не желает больше поддерживать разговор на эту тему. Финн расстегнул ремень безопасности, а затем, глядя прямо перед собой, сухо произнес: – Сразу после помолвки я привез бывшую жену на Эдисто, чтобы познакомить с тетушками. Я не был здесь ни разу с тех пор, как окончил среднюю школу, а раньше мне никогда не разрешали исследовать остров, поэтому я думал, что будет неплохо снова открыть его для себя вместе с Харпер. Это действительно странно, что я знал лишь крошечный кусочек Эдисто, но всей душой любил остров. Я всегда именно его считал своим домом, даже когда учился в школе. – Он замолчал и взглянул на меня. – Мне так хотелось, чтобы она его тоже полюбила, – с неожиданным чувством добавил он.

– И это случилось? – Я старалась, чтобы мой голос звучал не слишком заинтересованно. Его рот болезненно скривился.

– Нет. – Он пожал плечами. – Она родом из Бостона, поэтому, наверное, мне не следовало привозить ее сюда в летнее время. Она плохо переносила жару, насекомых и запах болота вызывали у нее отвращение. К тому же, с ее точки зрения, здесь все находится в запустении, и это ей очень не понравилось. Мы планировали провести здесь неделю, а уехали через два дня.

Мне вдруг стало обидно. Смешно, но я неожиданно восприняла такое пренебрежительное отношение незнакомой мне женщины к любимому острову как личное оскорбление. Кто она такая, чтобы судить о его недостатках? В моей голове промелькнули смутные воспоминания об отце, самозабвенно любившем наш остров, и я повернулась к Финну.

– А вы не показывали ей закат? Когда отец был дома, мы всегда вместе любовались заходящим солнцем. Думаю, на всей земле нет ничего красивее, чем закаты на Эдисто.

– Конечно, показывал. Тетушка Бернадетт всучила нам одну из своих соломенных корзинок с бутылкой вина и двумя бокалами и отправила любоваться закатом. Но Харпер не вынесла налета moskitov, и мы были вынуждены вернуться в дом еще до того, как солнце стало клониться к горизонту.

Я представила его расфуфыренную жену, отражающую атаку moskitov, и чуть не расхоталась, но вовремя прикусила язык и отвернулась.

– Вам смешно?

Я покачала головой, но уже не могла сдерживаться, и у меня невольно вырвалось неподобающее воспитанной девушке хрюканье. Я в ужасе вскинула на него глаза, но оказалось, что он тоже улыбался, и я облегченно вздохнула.

– Надо сказать, вино было преотличное, хотя мне и пришлось выпить его в полном одиночестве.

– Как жаль, – не совсем искренне сказала я.

– Вы даже не представляете, как было жаль *мне*. – Он открыл дверцу машины и стоял рядом, пока я выключала зажигание.

Солнце висело прямо над нашими головами, и от его нестерпимой жары покалывало кожу. Но прохладный ветерок, словно дыхание призрака, колыхнул высокие травы, я почувствовала легкое головокружение, вспоминая, что на этом самом месте когда-то стоял мой отец. Дом наш исчез с лица земли, словно его и не было, и иногда мне казалось, что и отец никогда не жил и не ходил по этой земле.

Мы пошли вниз, к бухте, оставляя за спинами руины старого дома. Дружный хор насекомых становился все громче, отрывистое стрекотание цикад задавало темп всем остальным «музыкантам». Долгое время после переезда с острова я с трудом засыпала в странной для меня тишине – мне не хватало вот этой ночной музыки прибрежных болот.

– Как же здесь красиво, – сказал Финн, подставляя лицо ветру. – Иногда я думаю, что моя жизнь могла быть совсем иной, если бы я вырос здесь, а не в Чарльстоне.

Его волосы на висках и затылке потемнели от пота, и я снова подумала: неужели стоящий передо мной мужчина и невозмутимый, строгий мистер Бофейн – один и тот же человек? Казалось, в его теле обитали две отдельных души. Но может быть, мы все такие – проживаем жизнь, которую навязывают нам обстоятельства, хотя мечтаем о совсем другой, которую сами для себя придумываем.

– Какое отличное место для того, чтобы ночью наблюдать звезды.

Я приложила ладонь козырьком ко лбу, чтобы защитить глаза, и взглянула на Финна.

– Полагаю, из дома тетюшек тоже неплохо за ними наблюдать.

Он кивнул.

– Я держал телескоп в своей спальне в их доме, но потом забрал его с собой в школу. А дальше возникли некие обстоятельства, и мне стало не до того, чтобы изучать звездное небо.

«Я хотел стать астронавтом».

Я вспомнила его слова и вдруг обнаружила, что не могу смотреть ему в глаза, боясь увидеть в них разочарование, которое могло бы стать отражением моего собственного.

Над нашими головами пролетела голубая цапля, птица словно дразнила нас, бескрылых, неуклюжих, которым нужны самолеты, чтобы летать. Может быть, когда-то, наблюдая за береговыми птицами, маленький мальчик поднял глаза к небу и стал мечтать о том, чтобы прикоснуться к луне.

– Почему вам вдруг захотелось прийти сюда? – спросила я.

Он посмотрел на меня оценивающе, взгляд его был пронзительным и ясным, и мне показалось, что он ожидал от меня именно этого вопроса.

– Сюда меня однажды привела тетя Бернадетт. Мы украдкой выскользнули из дома, когда тетя Хелена отправилась на заседание Общества охраны исторических памятников. Тетя Бернадетт привела меня на это место, потому что хотела показать развалины. И еще потому, что когда она была там последний раз, то услышала нечто прекрасное, чем хотела со мной поделиться.

Он на мгновение замолчал.

– Мы стояли прямо на этом самом месте, когда я вдруг услышал звуки музыки – кто-то играл на пианино в доме неподалеку. – Он указал на пустое пространство, где когда-то стоял дом нашей семьи. – Был довольно прохладный вечер, но все окна в доме были открыты.

Мы стояли там целый час, слушая музыку и глядя в небо, на котором постепенно загорались звезды. Это одно из прекраснейших воспоминаний детства – в тот момент я был совершенно счастлив.

Мое горло сжалось, как будто я проглотила комок ваты.

– И вы бы хотели узнать, не я ли играла на пианино в тот вечер.

Тут зазвонил его «Блэкберри», и Финн вытащил его из кармана, чтобы ответить на вызов. Разговор был коротким, и Финн почти сразу же прервал звонок. Не глядя на меня, он произнес:

– Нам надо идти. На работе проблемы, которые надо решить до понедельника.

Широкими шагами он направился к машине. Я едва догнала его.

– А вы когда-нибудь возвращались сюда? До того случая с Харпер?

– Пару раз. Было трудно убежать, чтобы не заметила тетушка Хелена. Но музыку здесь я больше ни разу не слышал.

У меня возник странный порыв извиниться перед ним за то, что меня не было здесь, когда ему так нужна была моя музыка. Но вместо этого я полезла в сумочку и достала ключи от машины.

– Может быть, вы сами хотите сесть за руль?

Было видно, что он испытал облегчение при этих словах, и я вспомнила, как судорожно сжимали подлокотник его руки на пути сюда. Он взял ключи и благодарно улыбнулся.

– Спасибо.

Он открыл для меня дверцу, и я быстро села в машину. Мы ехали в полном молчании, потому что большую часть пути я пыталась вспомнить тот вечер, когда я играла на пианино и ясно почувствовала чье-то присутствие за окном. И еще я думала о маленьком мальчике, который смотрел в ночное небо и мечтал о том, как в один прекрасный день коснется звезд.

Глава 8

Люси остановила свой «Бьюик» у обочины на Гиббс-стрит перед домом Финна, а потом взглянула на меня, подняв брови.

– Ты точно не хочешь, чтобы я пошла с тобой?

Я закатила глаза.

– Да ладно тебе, Люси. Все с моей новой работой вполне законно. Я даже встречалась с той самой двоюродной бабушкой. Совершенно не из-за чего беспокоиться.

Она выдвинула подбородок.

– Ну когда он попросит тебя называть его по имени, пожалуйста, сообщи мне. Потому что именно тогда *действительно* надо начинать беспокоиться.

Я сделала вид, что поднимаю с пола сумку, чтобы она не могла видеть моего лица.

– Позвони, если когда-нибудь захочешь, чтобы я для разнообразия отвезла тебя на работу. «Вольво» будет в моем распоряжении, по крайней мере, до конца лета, пока не вернется няня его дочери.

Люси бросила пренебрежительный взгляд на белый «Вольво SUV» с наклейкой частной школы «Эшли-Холл» и презрительно фыркнула.

– Ну нет уж, увольте. Я предпочитаю машины с гораздо более ярко выраженной индивидуальностью.

Я заглянула в машину.

– Зато здесь есть кондиционер.

Люси посмотрела на меня в упор, не мигая.

– Ну тогда я тебе как-нибудь позвоню.

Я захлопнула дверцу, и машина тронулась с места.

– Увидимся завтра на работе. Если ты не появишься, я позвоню в полицию.

Она осуждающе качала головой, пока не скрылась из виду, сопровождаемая невообразимыми звуками неисправного глушителя, крайне нехарактерными для этого престижного района.

Я стояла перед чугунными воротами, покрашенными черной краской, и до меня доносился одуряющий запах листвы и цветов. Как и в большинстве домов Чарльстона, палисадник и сад по обе стороны от дома были полны цветущих растений, являя неожиданные сочетания цветов и запахов, которые неизменно поражали органы чувств. Они не издавали звуков, но я всегда думала, что если бы не была музыкантом, то обязательно стала бы садовником. Правда, мне уже давно не хотелось быть ни тем ни другим.

Я распахнула ворота и ступила на мощенную кирпичом дорожку, ведущую к дому с надстройкой и бетонным крыльцом перед главным входом. Я никогда особенно не увлекалась архитектурой и плохо в ней разбиралась, но, разглядывая дом с дорожки, можно было с уверенностью сказать, что он был очень большой и очень старый. Его фасад выходил на улицу, и, хотя портик отсутствовал, вместо него перед передним входом красовалась полукруглая терраса с двумя колоннами. Рамы застекленной двери были выкрашены в черный цвет, и над ней на цепи висел медный каретный фонарь. Стены дома были желтыми, а внутренний потолок террасы – бледно-голубым, точь-в-точь как у Да Джорджи. Но на этом все сходство и заканчивалось. Этот дом был безупречным в своем совершенстве – от покрывавшей его свежей краски до посаженных в определенном порядке цветов в саду, напоминающих марширующих солдат. Прекрасный дом, но слишком холодный, чтобы служить чьим-то домашним очагом. То, что здесь когда-то за воскресным обедом собирались многочисленные члены семьи, так же трудно представить, как и Финна, сидящего с дочерью на качелях в саду.

Чтобы не успеть передумать, я протянула руку, нажала на звонок и принялась ждать. Ожидание оказалось долгим. Я посмотрела на часы, проверяя, не перепутала ли назначенное время. Финн просил меня встретиться с ним в его доме в половине четвертого. Он отвез бы меня сам, но его срочно вызвали в офис. Что касается меня, я была рада встретиться с ним здесь, не желая объяснять коллегам, почему еду домой в компании мистера Бофейна.

Мой слух не уловил никаких приближающихся шагов, но вдруг раздался звук отодвигаемой задвижки, и дверь медленно отворилась. Я опустила глаза и увидела маленькую девочку, которая, впрочем, казалась старше, чем на фотографии на столе у Финна. Светлые, почти белые волосы, коротко стриженные в стиле «пикси», с неровными прядями, были убраны назад с помощью розовой ленты. Большие круглые глаза, пожалуй, слишком большие для такого крошечного личика, были темно-серыми, как у отца, и в них отражалась та же упрямая решимость. Я была изумлена, словно обнаружила жемчужину в устричной раковине, настолько странно было видеть у ребенка такой взрослый взгляд. Я знала, что дочери Финна около десяти лет, но из-за маленького роста она вполне могла сойти за шестилетнюю и была такой миниатюрной, что я запросто могла бы охватить ее талию пальцами рук.

Светлая, нежная кожа девочки казалась почти прозрачной, но крошечная ручонка, которую она протянула мне, оказалась удивительно теплой.

– Вы Элеонор Мюррей? – спросила она, широко и приветливо улыбаясь мне.

– Да, – ответила я, удивленная ее крепким рукопожатием. Она отняла руку и распахнула дверь, чтобы впустить меня в дом.

– А ты, должно быть, Женевьева? – улыбнулась я в ответ.

Тут в холл с мраморными полами, на ходу вытирая руки о фартук, вбежала круглолицая женщина с рыжими волосами и лицом, усеянным веснушками.

– Мисс Мюррей?

Я кивнула.

– Да, это я. Мистер Бофейн назначил мне здесь встречу.

– Рада с вами познакомиться. Я – миссис МакКенна, экономка. Мистер Бофейн позвонил и сообщил, что слегка задерживается. Он сначала хотел, чтобы вы сами взяли машину и поехали, но потом обнаружил, что ключи у него в портфеле. Он спрашивает, не могли бы вы его подождать?

Я бросила взгляд на часы, прекрасно понимая, что выбора у меня на самом деле нет, если только не позвонить Люси и не попросить ее приехать и забрать меня.

– Конечно, ничего страшного. Где я могу подождать?

Прежде чем экономка смогла ответить, в разговор вмешалась Женевьева:

– Если хотите, я могу показать вам свою комнату.

Миссис МакКенна просияла:

– Отличная идея. Вы не возражаете, мисс Мюррей?

Не зная, что следует сказать, я покачала головой.

– Разумеется, нет. Я с большим удовольствием посмотрю ее.

Женевьева снова схватила меня за руку и потащила к изящной спиральной лестнице, которая вела на все три уровня над холлом. Мы прошли мимо большой плоской вазы с цветами, стоявшей на круглом столе в центре облицованного мрамором холла, и я обратила внимание на старинную мебель и явно изготовленные на заказ шторы. Когда мы поднимались по лестнице, я не переставала восхищаться совершенной красотой обстановки, как мне казалось, тщательно воссозданной по картинке с изображением образцового элегантного дома. И снова у меня возникло горячее желание отдернуть шторы и впустить солнечный свет во все уголки дома, чтобы легче представить картины семейной жизни – отца семейства в рубашке с расстегнутым воротом или мать, читающую в постели журнал. Но в тот момент обстановка казалась такой безликой, что невозможно было составить представление об обитавших там людях.

Когда мы поднялись на второй этаж, без устали щебечущая Женестьева повела меня по длинному коридору, устланному бархатным ковром, к открытой двери в ее спальню.

– Можете не называть меня Женестьева, – с серьезным видом произнесла она на пороге комнаты. – Так меня зовет мадам ЛеФлер, моя учительница танцев, но все остальные зовут Джиджи. Ну за исключением мамы и папы.

– А он зовет тебя Горошинка, – сказала я, с улыбкой вспоминая наш разговор в полутемной машине.

Девочка явно была удивлена.

– Он вам сказал? А мама никогда не называет меня иначе как Женестьева, потому что говорит, что прозвища прилипают к людям на всю жизнь, пока окружающие не забудут их настоящие имена. А мне Джиджи нравится больше, поэтому мне все равно, пусть забудут. Но когда мама будет здесь, вам придется называть меня Женестьева.

Я кивнула.

– Конечно. А ты можешь называть меня Элеонор.

Она нахмурилась, и в глазах появилось еще более серьезное выражение.

– Вам не идет имя Элеонор.

– А как, по-твоему, должна выглядеть Элеонор?

Она пожала худенькими плечиками.

– Даже не знаю. Думаю, она должна быть повыше... Может быть, с вьющимися волосами. И она умеет хорошо играть в теннис. – Девочка нахмурилась, призывая на помощь свое воображение. – И по ночам ей никогда не снятся сны.

Джиджи отпустила мою руку и проскользнула в комнату. Я собиралась было спросить, что она имела в виду, но, войдя в комнату, остановилась, на время потеряв дар речи. Большая белая кровать с балдахином на четырех столбиках целиком занимала один из углов огромной комнаты. И кровать, и окна, и несколько мягких кресел, образующие уютный уголок для чтения, были покрыты воздушной розовой кружевной тканью, лежавшей причудливыми складками. Ярды розовых облаков свешивались со столбиков кровати, с карнизов в форме балетных туфелек. В центре комнаты на шнуре из того же материала была подвешена керамическая люстра в виде сказочного замка. Картина во всю стену напротив кровати, по-видимому, представляла сцену из «Щелкунчика». Рассмотрев ее поближе, я увидела, что девочка на сцене, изображенная там, точь-в-точь похожа на Джиджи.

– Мне очень нравится розовый цвет, – заявила она, нисколько не смущаясь.

Я заметила, что стены тоже были покрашены в бледный оттенок ее любимого цвета, и даже ковер был нежно-розовым. Я почему-то не выдержала и повернулась к маленькой девочке спиной – меня охватило странное чувство. Что это? Раздражение, зависть? Я не могла понять природу этих эмоций, но призналась себе, что это была комната, о которой я всегда мечтала в детстве и которую обещал мне отец, если ему удастся накопить денег, чтобы отправить меня в школу, и при этом еще немного останется. Это была комната, которую любящий отец сотворил для своей дочери. Такая могла быть и у меня, если бы судьба сложилась по-другому.

Я делала вид, что разглядываю изображение на стене, по-прежнему стоя спиной к Джиджи и пытаясь обуздать свои чувства. Мне отчаянно не хватало отца, и воспоминания о нем, вызванные пребыванием в этой комнате, отзывались острой болью, словно кто-то проводил лезвием ножа по моей коже.

– Тебе здесь нравится?

Я с усилием кивнула.

– Да... я тоже люблю розовый цвет, – с небольшой заминкой произнесла я. Мой взгляд упал на магнитную доску, висевшую на стене по соседству с картиной. На ней было несколько фотографий Джиджи в балетной пачке и в компании отца, а на одной она была рядом с красивой стройной женщиной с темными волосами, видимо, своей матерью. Тут до меня дошло,

что я впервые в этом доме вижу что-то, связанное с личной жизнью хозяев. Насколько я могла судить по обстановке в холле, на первом этаже все было безупречно – никаких разбросанных тапочек, рюкзаков или открытых книг, создающих впечатление, что читавший их человек только что вышел. Складывалось такое ощущение, что душа этого дома была ограничена этой детской комнатой.

К краям магнитной доски были прикреплены аккуратно сложенные в несколько раз разноцветные шарфики с орнаментом в виде турецких огурцов, и среди них были, разумеется, несколько штук разных оттенков розового.

– Это моя коллекция, – раздался голос девочки у моего локтя, и я вздрогнула от неожиданности. Я не слышала, как она подошла.

– Я их больше не ношу, но они такие красивые, поэтому и храню.

Я посмотрела вниз, на нее, чувствуя, что что-то упускаю.

– И вправду очень красивые. Какой из них твой любимый?

Маленький пальчик с ногтем, покрытым облупившимся светло-розовым лаком, указал на платок цвета фуксии.

– Вот этот, – уверенно сказала она, открепила его от доски и вручила мне, чтобы я смогла рассмотреть его получше.

– Мама сказала, что надо носить разные цвета, но я всегда возвращаюсь к розовому. Хотя и стараюсь носить другие. На прошлой неделе я надела зеленые колготки с розовым балетным костюмом. Но мама сказала, что это не сочетается, так как колготки были в розовый горошек. Манера одеваться так же отражает наш внутренний мир, как и танец.

Я почувствовала, что не могу удержаться от улыбки. Эта девочка не могла не вызывать симпатию. Она еще совсем ребенок, но суждения ее были неожиданно глубокими, а манера держаться и выражение лица – такими серьезными, что можно было подумать, что она намного старше своих лет.

Глядя ей в лицо, я спросила:

– Неужели ты сама до этого додумалась?

Ее лицо осветила озорная улыбка.

– Да нет. Мадам ЛеФлер сказала это первой. Но я уверена, что думала об этом еще до того, как она произнесла это вслух.

Я невольно рассмеялась.

– Вот в этом я ничуть не сомневаюсь, Джиджи.

– Пора принимать витамины, Джиджи. Миссис МакКенна ждет тебя на кухне.

Финн в своем темном костюме на фоне дверного проема выглядел словно тень, и я понятия не имела, как долго он там уже стоял.

– Папочка! – Джиджи побежала к отцу, раскинув руки, и он поднял ее, поцеловал в лоб и снова опустил на пол.

– Очень рад, что вы познакомились. А теперь попрощайся с Элеонор и беги скорее вниз. Ты снова увидишься с ней в субботу, когда мы поедем на Эдисто.

Девочка почти степенно подошла ко мне и протянула ручку.

– Было очень приятно с вами познакомиться, мисс Элеонор. Буду с нетерпением ждать нашей встречи в субботу.

Несмотря на показную церемонность, глаза у нее весело блестели, словно она хотела мне намекнуть, что устраивает этот небольшой спектакль специально для отца.

Я пожалала ее протянутую руку и улыбнулась в ответ.

– Я тоже рада была с тобой познакомиться, Женевьева, и с удовольствием увижусь снова в выходные.

Она расплылась в улыбке и вместо того, чтобы повернуться к отцу, стояла, вопросительно глядя на меня.

– А можно я буду называть тебя Элли? Ты больше похожа на Элли, чем на Элеонор, правда, папочка?

Я испугалась, что он услышал мой невольный вздох.

– Думаю, ты права, Горошинка.

Его спокойные глаза холодного серого цвета пристально смотрели на меня поверх головы дочери.

– Но пусть Элеонор сама решает, как тебе следует ее называть.

Элли. Никто не называл меня так с того момента, как отец попрощался со мной тем утром и навсегда исчез в море. И до настоящего времени я даже не понимала, как мне этого не хватает.

Я улыбнулась.

– Мне нравится, когда меня называют Элли. Если тебе нравится это имя, я не буду возражать.

Ее улыбка стала еще шире.

– Как здорово! Увидимся в субботу! – Девочка выскочила из комнаты и, махнув на прощание рукой, скрылась в коридоре.

Я обнаружила вдруг, что смущенно смотрю на шарфик цвета фуксии, зажатый в руке, и кожа на затылке начала покалывать.

– Почему у Джиджи так много платочков?

– Когда ей было пять лет, у нее обнаружили лейкемию. Вот уже четыре года она в состоянии ремиссии. Должен пройти еще год, прежде чем мы сможем вздохнуть спокойно.

– Простите, – сказала я. – Я не знала... – Я вспомнила свои недостойные эмоции, когда увидела ее спальню, зависть к этому благополучному невинному ребенку. *У нее лейкемия.*

Я резко повернулась к магнитной доске, ища кнопку, прикреплявшую шарф, и боясь, что если Финн увидит мои глаза, то все поймет.

– Это для меня больная тема. Я часто отсутствовал на работе, когда ей поставили диагноз, но это было до того, как вы начали работать у нас, так что естественно, что вы ничего не знали. – Он замолчал. – Это было действительно тяжелое время.

Я наконец нашла кнопку и прикрепила шарф на место, а потом повернулась к нему лицом.

– Я вас понимаю. Просто... Я рада, что вы мне все рассказали. Она такая чудесная малышка!

Он улыбнулся той своей редкой теплой улыбкой, от которой в уголках глаз собирались морщинки.

– Я тоже так думаю. – Он кивком указал на коридор. – Пойдемте вниз. У меня голова начинает кружиться от обилия розового цвета.

Я с готовностью кивнула, обрадованная тем, что можно покинуть спальню маленькой девочки. Я ждала в холле, пока Финн искал что-то в портфеле, который положил на стол, стоявший в центре комнаты, потом он извлек ключи от «Вольво» и вручил их мне.

– Я попросил специалистов из сервисного центра «Вольво» отладить машину, поэтому она полностью готова к использованию. Прошу прощения, что на это ушло больше времени, чем я ожидал.

Я сжала ключи в руке.

– Никаких проблем. Поверьте, я действительно ценю, что вы столь любезно предоставили мне машину. – Я улыбнулась, пытаясь скрыть вновь нахлынувшее смущение. – Полагаю, мне пора. Пока движение на улицах еще не... – Я не закончила фразу, пытаясь открыть задвижку на двери.

– Не хотите ли остаться и пообедать с нами? Миссис МакКенна всегда готовит еду с запасом на тот случай, если вдруг у меня в гостях будет клиент. Хочу компенсировать вам то, что вы опоздаете на обед с вашей семьей.

Я задержала руку на дверной ручке и повернулась к Финну.

– Спасибо за приглашение, но мне действительно надо возвращаться. Семья будет ждать, чтобы я приготовила обед.

Его лицо оставалось бесстрастно-вежливым.

– Ну что ж, в таком случае вам действительно надо возвращаться домой. Извините, что задержал.

Я потянула на себя дверь и вышла на крыльцо, потом снова повернулась к нему.

– Простите за любопытство, скажите, Джиджи сама придумала убранство своей комнаты?

– Да нет, это сделал я, не без помощи знакомой декораторши. Но я точно знал, что ей понравится.

Я кивнула, пытаясь сдержать улыбку при мысли о Финне Бофейне, придирчиво рассматривающем рулоны розового тюля и кружев.

– А почему вы спрашиваете?

Я не представляла, что ответить. Похоже, что пробудилось почти забытое стремление раздвигать пределы дозволенного, до поры до времени скрытое за завесой сомнения в собственных силах и неизменного чувства вины.

– Просто интересно. О такой комнате мечтает каждая девочка. Вот я и подумала, что, может быть, в этом участвовала ее мама, отчасти воплощая собственные детские мечты.

Его глаза внезапно потемнели.

– Харпер совершенно не разбирается в таких вещах.

Я испытала легкий испуг, словно жена Синей Бороды, которую муж застал подглядывающей в замочную скважину запретной двери, и сделала шаг назад.

– Что касается субботы, постараюсь успеть к одиннадцати часам. Летом движение на дорогах бывает непредсказуемым.

– Вот и отлично. Мы с Горошинкой приедем туда в пятницу ночью, поэтому можете не спешить. Встретимся уже там.

– Ну что же, тогда до свидания, – сказала я.

Он молча кивнул в ответ и смотрел, как я шла через ворота к машине. Я не стала оглядываться, не желая разрушать запавший мне в душу образ Финна Бофейна, стоящего посреди моря розового тюля и творящего спальню мечты для своей маленькой дочки. Я открыла дверь машины и помедлила минуту, вспоминая, как Джиджи назвала меня Элли. Интересно, что она имела в виду, когда говорила, что люди с именем Элеонор не видят по ночам сны?

Глава 9

Когда я приехала домой, Глен и Ева сидели на качелях, висящих на террасе перед входной дверью. На столике перед ними лежала пицца, и меня тут же охватило чувство вины.

– Мы проголодались, – сказала Ева, глядя на меня. – В холодильнике есть еще целая пицца, если ты хочешь есть.

Глен вытер руки салфеткой и осторожно встал, стараясь не раскачать качели, чтобы не потревожить Еву.

– Отличная машина, Элеонор. Где ты ее взяла?

Интересно, мне только почудились обвинительные нотки в его голосе или это было на самом деле?

Он спустился по ступенькам и направился к машине. Солнечные лучи упали на его волосы, отчего их концы заиграли медными оттенками. Мне вспомнилось, как я увидела его в первый раз. Он тогда носил форму кадета из «Цитадели» и сидел с сокурсниками в соседней кабинке в кафе «Каролина» в Чарльстоне. Он сидел спиной ко мне и под солнцем, светящим в окно, его волосы горели, словно маяк в ночи. А потом я повернулась к Еве и уговорила ее подойти к этой компании, чтобы познакомиться.

Но, надо сказать, я влюбилась в него лишь после его первого свидания с Евой. Он заехал за ней на «Хонде», которую одолжил у приятеля, а я должна была встретить его на крыльце, предложить напитки и развлекать, пока мама помогала Еве наряжаться для свидания. Первое, что он сделал, когда я открыла дверь, – это вежливо снял шляпу, что представители противоположного пола в моем присутствии никогда раньше не делали. Он был первокурсником в «Цитадели» – на их жаргоне, «салагой», – и волосы его были пострижены так коротко, что сквозь них просвечивала кожа. Брови его были темными с медным оттенком на концах, очень красивой формы, а глаза такого глубокого карего цвета, что казались почти черными.

Как мне казалось, он был одним из самых красивых мальчиков, которых мне только приходилось видеть, и я так волновалась, что, когда вернулась на крыльцо с кувшином лимонада и двумя пластиковыми стаканчиками, то споткнулась, и поднос со всем, что на нем стояло, оказался на ступеньках.

Надо сказать, Глен не засмеялся и прежде всего бросился мне на помощь, чтобы проверить, не пострадала ли я при падении. Наверное, я влюбилась в него тогда, когда он, смущенно улыбаясь, вытер капли лимонада с моего носа, или когда предложил пойти налить лимонад в другой кувшин, а он здесь все уберет, чтобы не пришлось ничего объяснять матери и Еве. Или, может быть, когда он проводил Еву до машины – она тонкой рукой держала его под локоть, а он обернулся и заговорщицки подмигнул мне.

И сейчас он был все такой же – высокий, тонкий и широкоплечий, каким я увидела его в первый раз, но глаза утратили блеск, походка стала тяжелее, словно бремя прожитых лет лежало на нем, как ярмо, приковавшее его к нелегкой жизни, которую он для себя выбрал.

– Автомобиль мне дали для новой работы. Я пару дней в неделю буду присматривать за пожилой женщиной, живущей на Эдисто. Это двоюродная бабушка мистера Бофейна, поэтому он позволил мне слегка изменить график моей работы в офисе и некоторое время пользоваться машиной няни его дочери.

Глен наклонился, чтобы разглядеть салон машины через боковое стекло со стороны водителя.

– Похоже, она совсем новенькая.

Я пожалала плечами.

– Вполне может быть. Она пахнет новой кожей.

Я поднялась по ступенькам и уселась рядом с Евой, а она почти незаметно откинулась назад. В детстве мы часто спали в одной постели, когда я боялась темноты или грозы и хотелось прижаться к кому-то родному, чтобы успокоиться. Нам это разрешали по просьбе Евы, которая объяснила отцу, что защищать меня – это ее прямая обязанность как старшей сестры.

Кашлянув, чтобы прочистить горло, я сказала:

– В те дни, когда мне придется ездить на Эдисто, я буду оставаться там на обед. Не волнуйся, я постараюсь оставлять вам готовую еду, чтобы вы могли ее разогреть, или же можете заказать пиццу. Дополнительные деньги, которые я буду зарабатывать, позволят чаще заказывать еду из ресторана.

Я сидела, уставившись на свои руки, потом медленно подняла голову и посмотрела прямо в фиалковые глаза Евы. Их часто сравнивали с глазами Элизабет Тейлор, но глаза сестры были матовыми – они словно поглощали свет и не выпускали его наружу. Они не всегда были такими, просто изменились, когда она стала старше, словно по ее собственному желанию, подобно тому, как она вдруг решала изменить прическу или начать носить короткие юбки.

– Ах как мило с твоей стороны, – сказала она. – Уверена, мы не протянем ноги, питаюсь пищей и едой из закусочных.

– Ева.

В голосе Глена были предупреждающие нотки, но мы с сестрой знали – что бы между нами ни происходило, никто не должен вмешиваться. Это была темная, закрытая территория, подвластная только нам, и никому постороннему доступа туда не было.

Я встала, подошла к краю крыльца и принялась смотреть на высушенную солнцем траву и мертвые цветы, которые я посадила ранней весной, а потом начисто о них забыла. Никто даже не побеспокоился, чтобы поливать их.

– Для начала я буду ездить на Эдисто каждую пятницу и субботу, хотя, может быть, придется добавить пару дней, в зависимости от того, как пойдут дела. Если тебе нужна помощь при посещении врачей, пожалуйста, постарайся назначать эти визиты на те дни, когда я здесь. Или же на часы, отведенные Глену на обеденный перерыв, чтобы он мог отвезти тебя туда.

Я не поворачивалась к Еве, опасаясь, что они оба заметят мою неуверенность. С их точки зрения, я должна была думать исключительно о беременности Евы, и только в этом случае все было бы на своих местах.

Я слышала, как Глен поднялся по ступенькам, а затем слегка затрещали веревки, привязывающие качели к потолку.

– Это не проблема, – сказал он. Я представила, как он кладет руку на ладонь Евы, чтобы успокоить ее, и чуть не расплакалась.

Внезапно нас оглушил чей-то ревуший бас, доносящийся из радиоприемника старого белого грузовика с открытым кузовом и огромными шинами, который медленно подъехал к нашему дому. Он остановился, и из кабины высунулся водитель с сигаретой в пальцах, постукивающих по двери в такт музыке.

Он убрал громкость и выкрикнул мое имя:

– Элеонор!

Я тут же узнала Роки Купера, парня, с которым училась в старших классах. Тот самый одноклассник, которого я когда-то сбила с пути истинного и сделала соучастником всех своих авантюр. Я подняла руку, чтобы поприветствовать его, хотя, по правде, мне не терпелось, чтобы он поскорее уехал. Переведя взгляд с него на пассажирское сиденье, я увидела, что там сидит незнакомый мне мужчина, который в этот момент поднес ко рту бутылку пива.

– Привет, Роки!

– Сто лет тебя не видел, – сказал Роки. Его когда-то юное лицо почернело и загрузело от беспощадного солнца Южной Каролины. Я слышала, что он работал на стройках, перескакивая с места на место, когда запои сменялись периодами трезвости. – Значит, ты переехала.

Впрочем, и я теперь не частый гость на Эдисто. – Он ухмыльнулся. – Там мной постоянно кто-нибудь недоволен.

Я кивнула в знак понимания.

– Я работаю. Времени нет совсем. Да и сейчас я занята.

Я не сходила с крыльца, надеясь, что он поймет намек.

Он кивнул в сторону своего спутника.

– Мы с Джимми хотели пойти сегодня вечером куда-нибудь поразвлечься. Прыгай к нам, не пожалеешь.

Я попробовала улыбнуться, всем своим видом изображая искренность.

– Я бы не против, но, понимаешь, у меня сейчас очень много работы.

Он посмотрел мне за спину, в ту сторону, где все еще сидели Ева с Гленом, потом снова перевел взгляд на меня.

– Вижу, у вас тут вечеринка. – Он поднес сигарету ко рту и затянулся. – Если передумаешь, ты знаешь, где меня искать.

Джимми в знак приветствия поднял бутылку, мотор зарычал, и снова оглушительно заиграла музыка. Ее пульсирующие звуки стояли в ушах, даже когда грузовичок скрылся из виду.

– Вот только его тут не хватало для полного счастья, – сказала Ева, поджав губы.

– Да, давно с ним не виделись, – ответила я безо всякого намека на сарказм и направилась к двери. – Пойду разогрею кусок пиццы.

Но тут снова раздался голос Евы:

– Ты даже не спросила меня, когда должен родиться ребенок.

Меня охватило такое ощущение, что на спину мне вылили целое ведро ледяной воды. Я резко повернулась к ней, удивленная тем, что в этом вопросе еще остается какая-то неясность.

– Я думала, что сначала надо сходить к врачу, чтобы установить, когда это произойдет.

– Мы так и сделаем. Но, по моим подсчетам, это случится в январе. – Она взглянула на меня почти с надеждой. – Представляешь, в январе у тебя появится племянник.

Но я не особо доверяла оливковой ветви в руках этого миротворца, подозревая, что в любой момент могу получить ею по лицу.

– Значит, это будет зимний ребенок. В этом есть свои преимущества – тебе не придется переносить летнюю жару в последние месяцы беременности.

– И в холодное время я смогу позаимствовать у Глена некоторые из его свитеров, чтобы не тратиться на одежду для будущих мам.

Она положила голову на плечо Глена и прижала руку к пока еще плоскому животу.

– Вот и замечательно, – ответила я. – А теперь пойду наконец съем свой ужин.

Я резко открыла дверь и позволила ей с шумом захлопнуться, как будто могла отсечь воспоминания о том, как я умерла и вернулась к жизни, не понимая, правда, зачем это было нужно.

Ева

Я сидела в инвалидном кресле в гостиной, разглядывая старинный буфет, который не использовался уже много лет. Он достался матери в наследство и, возможно, когда-то представлял собой какую-то ценность, во что было трудно поверить, учитывая его обшарпанный вид и сломанную петлю на дверце.

Мама нашла ему применение в качестве хранилища принадлежностей для шитья, что было весьма кстати, так как пораженные артритом колени не позволяли ей ходить вверх-вниз по лестнице к ящикам, стоящим у стен ее спальни. А теперь, когда большую часть заказов выполняла вместо нее я, нужно было устроить здесь все для своего удобства. Либо так, либо ждать, пока Элеонор и Глен вернутся домой, чтобы принести все, что необходимо для работы.

Я в ужасе устала на хлам, которым был доверху набит буфет – обрывки тканей, коробочки с бисером, несколько пар ножниц, пузырьки с клеем, либо пустые, либо такие старые, что их содержимое уже давно засохло, и даже вырезки из модных журналов. Мама когда-то выписывала *Vogue*, когда мы могли себе это позволить. Я знала, что, когда она росла в Чарльстоне, еще до их встречи с папой, ее мать тоже выписывала этот журнал и что бабушка, с которой я никогда не встречалась, хотя она умерла лишь около года назад, составляла свой гардероб, руководствуясь советами из этого журнала. Что касается мамы, она черпала оттуда идеи, чтобы изобретать костюмы для заказчиков. Я знала, что эти страницы она тайком, когда никто не видел, вырывала из журналов, лежавших в приемной у врачей. Мы с Элеонор в таких случаях просто отворачивались, давно привыкнув к странностям матери.

Из комнаты наверху доносились хлопанье ящиков и тяжелый звук шагов. Я вовсе не хотела разозлить Элеонор. А может быть, все-таки хотела? Я почти испытала облегчение, увидев прежний блеск в ее глазах. Это она во всем виновата. Я так хотела, чтобы вернулась моя прежняя сестра. Та отчаянная девчонка, которой она была до смерти отца, – хохотушка и проказница. Пусть она даже будет той дикаркой, в которую превратилась после этого, все лучше, чем та бледная тень, которой она стала теперь. А может, она и была призраком? Если уж на то пошло, она умерла в тот день. Может быть, она просто не понимает, что вернулась к жизни?

Тут дверь ее спальни открылась, и я услышала топот ее шагов, направляющихся через прихожую в ванную комнату, а затем звук захлопнувшейся двери. Я вздохнула и снова наклонилась к буфету. Звук работающего телевизора раздражал меня больше обычного. Мама в последние дни только тем и занималась, что сидела перед телевизором, и я с трудом удерживалась, чтобы не заорать на нее, ведь чем меньше она двигалась, тем сложнее ей было это делать. Именно поэтому я старалась каждый день выполнять физические упражнения. Да, я прикована к инвалидному креслу, но я не хочу всю жизнь быть в роли вечного пленника. Иногда мне казалось, что я живу в проклятом доме, где обитают призраки или ходячие мертвецы.

Я пыталась рассмотреть, что находится в глубине буфета. Там обнаружился прямоугольный сверток – на первый взгляд это могла быть выкройка, – который завалился за один из ящиков и оказался зажатым между ним и стенкой буфета. Прижав лоб к передней части буфета, я наклонилась и, вытянув руку, ухватила уголок свернутой бумаги и принялась тащить, пока не извлекла сверток. Откинувшись на спинку кресла, я взглянула на свою находку, и на моих губах появилась улыбка.

– Элеонор! – крикнула я и стала ждать. Наконец дверь ванной открылась, и я услышала торопливые шаги сестры, когда она сбегала вниз по лестнице.

– С тобой все в порядке? – спросила она. Она зарумянилась от холодной воды, которую, видимо, плескала в лицо, но ей не удалось скрыть покрасневшие и опухшие глаза.

– Смотри-ка, что я нашла. – Я передала ей выкройку.

Судя по тому, как смягчилось выражение ее лица, Элеонор тоже ее узнала.

– Это же мой костюм, – тихо произнесла она.

Действительно, это была выкройка из *Vogue*, которую мы раздобыли в магазине тканей в качестве подарка сестре к четырнадцатилетию – классический женский костюм с придуманным Шанель силуэтом – юбка-карандаш и рукава длиной три четверти. Этот костюм предназначался для ее первого собеседования в Джульярдской школе искусств, и я собиралась сшить его для нее, когда она станет достаточно взрослой, чтобы надеть, а я буду достаточно взрослой, чтобы использовать швейную машинку матери. Мы купили ее примерно за месяц до гибели отца, после которой Элеонор закрыла крышку пианино и перестала мечтать.

– Не могу поверить, что она еще сохранилась, – сказала сестра, крепко зажав выкройку в руках. Она смотрела на меня в смятении, не понимая, хочу ли я просто поделиться воспоминаниями о прошлом или намеренно напоминаю ей о несбывшихся мечтах, которые разлетелись, как конфетти из хлопушки.

– Между прочим, прекрасная выкройка, – заметила я. – Особенно если использовать более современную ткань. Клетчатые костюмы такого цвета нынче не в моде.

Мы смотрели друг на друга, и улыбки постепенно исчезали с наших лиц, словно мы одновременно поняли, что в последний раз согласие между нами было в тот самый день, когда мы поехали, чтобы проверить, кто сумеет выше забраться на старый дуб.

– Не думаю, что она может пригодиться, – сказала она. – Если ты разбираешь буфет, чтобы выкинуть всякий хлам, можешь и это добавить в кучу, которая пойдет на помойку.

Пожалуйста, не надо, хотелось закричать мне. Она по собственной воле выстроила чистилище и заставляла меня разделять с ней это заточение. И при этом почему-то считала, что ключ к нашей камере у меня. Может быть, так оно и есть, только я не пребывала в постоянных размышлениях об этом – мне это вовсе не свойственно. Элеонор должна была сама найти выход из тюрьмы, выковать собственный ключ к свободе. Потому что я устала смотреть, как она бьется о непреодолимую стену придуманной жизни, словно мотылек, летящий на свет лампы, о стекло.

– Ты права, – сказала я, намеренно стараясь ранить ее своими словами, чтобы снова зажечь эту искру. – Мне придется отдать эту выкройку, потому что в этом доме она вряд ли кому-то пригодится.

– Мы что, кого-то ждем? – раздался из гостиной голос матери.

Элеонор положила выкройку на буфет, и мы обе выглянули из окна, выходящего на улицу. Перед домом только что припарковался черный «Мерседес», с заднего сиденья которого выпорхнула маленькая девочка в умопомрачительном розовом наряде, сжимавшая что-то в руках. Мы увидели, как мужчина, сидевший за рулем, вышел из машины, взял малышку за руку и они поднялись по ступенькам к передней двери.

– О боже, – произнесла Элеонор, поглядывая на лестницу, словно ища путь к отступлению. Затем она бросилась к двери и распахнула ее прежде, чем неожиданные посетители успели нажать на звонок и понять, что он сломан. Она улыбалась так, как я давно уже не видела, обратившись сначала к маленькой девочке.

– Привет, Джиджи. Вот уж не ожидала тебя так скоро увидеть.

– Вы забыли сумочку. Я нашла ее в своей комнате.

Я узнала старый кожаный мешок, который Элеонор использовала в качестве сумочки.

Мужчина опустил руку на голову девочки, и этот жест вызвал у меня желание рассмотреть их поближе, поэтому я подъехала на коляске к окну. Это было совершенно произвольное движение, но оно так много сказало мне об отношении этого мужчины к окружающему миру.

Я видела, как Элеонор пытается вытеснить их на крыльцо, поэтому развернулась и поставила коляску так, чтобы они могли видеть меня через дверной проем.

– Ты не собираешься нас представить друг другу, Элеонор?

Она замерла на месте, и на какое-то мгновение мне показалось, что она откажется это сделать. Но потом отступила назад и открыла дверь пошире.

– Это – Финн Бофейн и его дочь Женевьева. Похоже, сегодня утром я забыла у них дома сумку, когда приезжала забрать машину.

Я поздоровалась с гостями, внимательно изучая мужчину. Я задержала на нем взгляд дольше, чем принято, удивляясь, почему он выглядит таким знакомым. Он был высоким и стройным, как Глен, и я решила, что, наверное, когда-то он был теннисистом или бегуном. Глаза его были необычного серого оттенка. Такие глаза излучают дружелюбие, и кажется, что их легко читать, но только до тех пор, пока вы не познакомитесь с их обладателем поближе. Вокруг него витали темные тени, как и вокруг Элеонор, и я подумала, что, возможно, это и притягивало их друг к другу.

– Это – моя сестра, Ева Хэмилтон, – продолжила Элеонор, и Финн пожал мне руку. Надо сказать, рукопожатие было довольно крепким.

– Рад с вами познакомиться, – сказал он. Голос его был глубоким, и произношение выдавало коренного обитателя Чарльстона. Моя мать говорила так же. Она использовала это преимущество для привлечения клиентов, заказывавших у нее платья и костюмы, которые она моделировала. В их глазах идеальная речь портнихи придавала ее изделиям дополнительный шик, словно престиж и респектабельность можно было зашить в каждый шов. Однако Финну Бофейну не нужно было демонстрировать свое произношение, чтобы выглядеть внушительно и производить впечатление на окружающих. Его манера держаться и эти поразительные глаза и без того привлекали всеобщее внимание.

Маленькая Женевьева тоже протянула мне руку и пожала ее. Я просто была не в силах оторвать от нее взгляд. Она была похожа на ангела с картин Рафаэля. У нее была нежная белорозовая кожа и широко расставленные серые, как и у ее отца, глаза, от которых, казалось, ничего нельзя скрыть. Но самое большое очарование придавала ей улыбка, словно говорящая: да, мир несовершенен, но я все равно буду радоваться жизни.

– Рада с вами познакомиться, – произнесла девочка, наклоняясь ко мне, словно хотела получше меня рассмотреть. – Вам подходит имя Ева, – сказала она, склонив голову набок. – А Элеонор сказала, что я могу называть ее Элли, потому что она точно больше похожа на Элли.

Я метнула взгляд на Элеонор. Имя Элли ассоциировалось у меня с моей потерянной сестрой, той, которая заразительно смеялась, имела склонность к безумным выходкам и играла на пианино так, словно музыка была мостом между ней и небесами. Я всматривалась в ее лицо, надеясь, что звук этого имени воскресит дух Элли, но видела перед собой лишь Элеонор.

Мать подошла к двери, приглаживая волосы, которых, видимо, целый день не касалась расческа. Она провела рукой по халату, словно хотела проверить, на все ли пуговицы он застегнут. Ее растоптанные тапочки шлепали по деревянному полу, но все присутствующие были слишком хорошо воспитаны, и на их лицах не отразилось ничего, кроме вежливого внимания.

– Я – Диана Мюррей, мать Элеонор и Евы. Рада наконец познакомиться с вами.

В ее словах чувствовалось легкое осуждение, словно мистер Бофейн уже давно должен был бы прислать ей приглашение на встречу для личного знакомства.

– Моя девичья фамилия Олстон. Если я не ошибаюсь, мой отец, Джеймс Рейвнел Олстон, и ваш дед учились в одном классе в школе Портер-Гауд.

На лице Финна не отразилось ровным счетом ничего при таком фамильярном упоминании его родственника, и он лишь церемонно пожал протянутые пальцы матери, как будто эта сцена происходила в зале роскошной усадьбы и на собеседнице было бальное платье. По выражению его лица легко можно было представить, что именно так он ее и воспринимал.

– Теперь понятно, от кого ваши дочери унаследовали свою красоту, миссис Мюррей, – сказал он, причем его южный акцент стал гораздо заметнее, чем раньше, словно это был актер,

исполняющий предназначенную ему роль. Впрочем, полагаю, каждый из нас актер в театре жизни.

И мать, и Элеонор покраснели от смущения, и не успела я подумать, что это был весьма щекотливый момент для моей сестры, как после пробежки вернулся Глен, загорелый, мускулистый и мокрый от пота. Он, должно быть, заметил «Мерседес», стоящий у обочины, так как открыл дверь с необычной для него осторожностью и заглянул внутрь с выражением, которое можно видеть на лице ребенка, снимающего крышку с волшебной табакерки и ждущего, когда из нее выскочит чертик.

Красная как рак Элеонор представила новое действующее лицо, и я увидела, как Глен оценивающе разглядывает мистера Бофейна.

– Рад наконец с вами познакомиться. Интересно было посмотреть, как выглядит человек, который требует от сотрудников так долго задерживаться на работе по окончании рабочего дня.

Воцарилась полная тишина, которая продолжалась довольно долго, и мы все не знали, куда девать глаза от стыда.

Финн поднял брови.

– Элеонор – очень ответственный сотрудник. Она всегда старается выполнить порученную работу, сколько бы времени на это ни ушло. Именно по этой причине я и решил попросить ее присмотреть за двоюродной бабушкой.

Он улыбнулся Элеонор, щеки которой были теперь нежно-розового цвета.

Глен сделал несколько шагов и встал рядом с Элеонор, а я подумала, замечает ли кто-нибудь, кроме меня, как она невольно чуть-чуть потянулась к нему, словно магнитная стрелка, всегда разворачивающаяся в сторону истинного севера. Глен, все еще тяжело дыша после бега, сжал челюсти, как будто подбирая слова, но прежде чем он успел что-нибудь изречь, я подкатила свое кресло поближе.

– Мы все очень благодарны вам за ту возможность, которую вы предоставили Элеонор.

– Особенно сейчас, когда Ева ждет ребенка, – изрекла мама, тоже спеша поучаствовать в разговоре.

Финн метнул быстрый взгляд на сестру, и в его глазах промелькнуло понимание.

– Примите мои поздравления, – сказал он, обращаясь к нам с Гленом.

На лице Элеонор застыла характерная бесстрастная улыбка, которую она надевала для мира, как вдова надевает траур. «Уходи, – хотела крикнуть я ей. – Беги отсюда». Какие бы чувства она, как ей казалось, ни испытывала к Глену, они были частью прежней жизни, которая давно осталась в прошлом, а может быть, вообще никогда и не существовала. И я со своей беременностью предоставила ей прекрасную возможность выйти из игры. Но я вовсе не обаяна была разыгрывать из себя доброго тюремщика и показывать ей путь на свободу, хотя мы и родные сестры. Поэтому я с невозмутимым видом откинулась на спинку кресла и просто наблюдала, как развиваются события.

– Я даже не предполагал, что у вас нет мобильного телефона, Элеонор, – продолжал Финн. – А мне бы хотелось быть с вами на связи, когда вы находитесь с тетушкой Хеленой, поэтому я постараюсь решить и эту проблему, разумеется, за мой счет, так как это мое требование.

Он даже не спрашивал ее согласия, так как привык отдавать распоряжения и люди выполняли их беспрекословно. Элеонор, конечно, ошетилилась, но не стала возражать, хотя, как я заметила, это ее задело. Так же было и в детстве, когда отец просил ее позаниматься на пианино. Она и так не выходила из-за инструмента, но предпочитала выбирать время занятий сама и начинала упрямиться, когда он *приказывал* ей заниматься. А я втайне восхищалась ее упрямством и независимостью, ведь я беспрекословно выполняла все распоряжения матери, и ее строгий голос вызывал у меня безотчетный страх.

А может, я уже тогда осознавала, что дар, которым бог наделил Элеонор, – это нечто реальное и постоянное. А все, что было у меня – красивая внешность и броские наряды, – подобно песку, уносимому с берега в море во время шторма. Наверное, именно поэтому, когда Элеонор затевала очередную авантюру – гонки на машинах или поход в Миртл-Бич, чтобы устроить там пикник, я с готовностью присоединялась к ней. Мне надо было убедиться, что и во мне есть доля той же бесшабашности, что и в моей сестрице.

Тут Женестьева принялась дергать отца за рукав.

– Уже темнеет, а мы еще не сходили в кафе поесть мороженого.

Финн улыбнулся дочери, и именно в этот момент, когда он не контролировал свои чувства, я поняла, почему его лицо показалось мне знакомым. Это был тот самый мальчик с Эдисто, который никогда не присоединялся к нашей компании, не участвовал в наших играх, а в церкви сидел и постоянно смотрел на Элеонор, а не на меня. Я помнила, как меня это злило, и я надевала все более и более яркие наряды, чтобы привлечь его внимание.

– Рад был со всеми вами познакомиться, – вежливо произнес он, ведя дочь к двери.

Я пристально следила, как они вышли на крыльцо, и помахала им на прощание рукой, когда они садились в черную машину. Но Элеонор смотрела в это время только на Глена, а он нежно прикоснулся к ее спине, когда входил вслед за ней в дом.

Все во мне кричало: «*Уходи! Беги отсюда! Убирайся!*» Но никто и не подумал уходить. Наоборот, они уселись рядом с матерью на кушетке перед телевизором. Я медленно подъехала к дивану и подождала, пока Глен не поднял меня и не усадил рядом с собой. Я сидела, крепко вцепившись в него рукой, и снова думала о неиспользованной выкройке и о том, что все в жизни сложилось не так, как должно было.

Глава 10

Элеонор

В детстве я проводила долгие часы, вместе с Люси наблюдая, как Да Джорджи плетет корзинки из стеблей зубровки. Она платила нам никель за каждую охапку травы, пальмовых листьев или сосновых иголок, которые мы для нее собирали, а потом мы сидели у ее ног и смотрели, как под ее пальцами рождаются корзины. В ее движениях был четкий ритм, который я чувствовала кожей, когда она плела ряд за рядом, добавляя для цвета бермудской травы и используя полоски пальмовых листьев и сосновые иголки, когда приступала к новому творению. Мне казалось, что я наблюдаю за процессом создания симфонии или написания картины, и каждый новый ряд все больше и больше раскрывал замысел художника. Да Джорджи называла нам узоры, которые использовала при плетении, – «Сны реки» или «Тропа слез», а все корзинки с крышками именовались «хранители тайн».

Она поведала нам, что плетение корзин сродни рождению новой жизни, от поиска материалов, которые добывались в разных местах, – кусочки мозаики, каждый из которых имел свое предназначение, – до создания сосуда, который мог либо сберечь, либо погубить свое содержимое. Именно об этом я думала по пути на Эдисто, гадая, на какую корзинку будет похожа моя жизнь и как ее следует называть.

Я опустила защитный козырек, чтобы укрыться от утреннего солнца, и включила GPS. Я хорошо знала путь на остров – все дороги и мосты через прибрежные болота и бухты были словно частью меня, как голубые вены под моей кожей. Но мне хотелось увидеть их цветное изображение на экране навигатора, как будто я должна была удостовериться, что они существуют на самом деле, а не являются плодом моего большого воображения, вовлекшего меня в безумную, рискованную авантюру, чтобы нарушить ровное течение моей жизни. Мне казалось, что я уже давно переросла склонность к необдуманным поступкам.

Несмотря на ужасающую жару, я опустила окна, чтобы почувствовать запах родного острова еще до того, как окажусь на его земле. Я не стала включать радио, чтобы не отвлекаться от дороги. Было совершенно невозможно слушать музыку – даже если это была обычная популярная композиция, которую крутят по радио, – не сосредотачиваясь на ней целиком, когда все остальное вокруг отходило на задний план, а я вовсе не хотела покалечить «Вольво» в результате неосторожного вождения. Тем не менее я обнаружила, что тихо напеваю под шуршание шин по асфальту, а пальцы, лежащие на руле, отбивают воображаемую мелодию.

Белый «Кадиллак» Хелены стоял на подъездной дорожке по соседству с голубой «Тойтой», вероятно, принадлежавшей сиделке, заступившей на дежурство. Финн позвонил мне и сообщил, что повезет Джиджи на пляж и они вернутся где-то ближе к вечеру, поэтому я и не ожидала увидеть их по прибытии в поместье. Несмотря на то что Финн велел сразу идти в дом, мне было не по себе. Я пару раз тихо постучала в дверь и принялась ждать, не желая использовать звонок, вдруг Хелена спит. В конце концов дверь приоткрылась, и передо мной предстала высокая женщина со встрепанными светлыми волосами, которая начала говорить еще до того, как дверь полностью распахнулась.

– Прошу прощения за то, что вам пришлось так долго ждать, – произнесла она с ярко выраженным южным акцентом. – Я возилась на кухне, пытаюсь привести в порядок кухонные табуреты, и руки были по локоть в морилке. Хотела заняться ими с тех самых пор, как поступила сюда работать. Когда закончу, надо будет привести в божеский вид подушки и шторы, но, полагаю, для этого надо сначала спросить разрешение у мистера Бофейна. Не подумайте, вовсе не для того, чтобы он заплатил мне. Мне просто нравится этим заниматься. – Она ненадолго

умолкла, чтобы перевести дыхание, а потом протянула мне руку. – Кстати, меня зовут Тери Уэбер. Можете называть меня Тери, а мистер Бофейн и мисс Жарка обычно называют меня сестра Уэбер.

Я пожалала ей руку и, в свою очередь, представилась, попросив называть меня Элеонор. До моих ноздрей из задней части дома доносился отчетливый запах морилки, а пальцы сиделки при прикосновении оказались липкими.

– Извините, что отвлекла вас от работы, но я посчитала, что неудобно войти без стука.

– Не стоит беспокоиться, я же сказала мистеру Бофейну, что буду прислушиваться, когда вы появитесь, и, как видите, была права! Он объяснил, что вы будете составлять компанию мисс Хелене, но она сейчас спит, поэтому можете заняться чем хотите. У меня на кухне есть телевизор. Я люблю смотреть разные ток-шоу, но вы можете переключить на любую другую программу по вашему усмотрению. Буду рада, если вы присоединитесь ко мне.

– Благодарю, – сказала я, – но мне бы хотелось немного побродить по дому, чтобы изучить его получше, пока я жду, когда проснется мисс Жарка. Вы не могли бы позвать меня, когда это произойдет?

– Разумеется. Я в ее спальне поставила прибор под названием «видеоняня», поэтому, как только она откроет глаза, я тут же узнаю об этом. – Она просияла при этих словах, а потом извинилась и снова занялась табуретами, увлеченно покрывая их морилкой.

Я стояла в холле, размышляя о том, чем бы заняться, когда закончу осмотр дома, если к тому времени Хелена еще не пробудится. Может, стоило приготовить обед или подмести пол, но я уже знала, что это входит в обязанности сиделок. Мой взгляд невольно потянуло к комнате, где стоял рояль, но я тут же отвела его, принявшись внимательно разглядывать картины на стене столовой и на стенах вдоль лестницы.

Было такое впечатление, что я смотрела на них сквозь слой воды, столь расплывчатыми казались изображения в тусклом свете, падающем на полотна, местами обвисшие в старых рамах. Некоторые были настолько огромные, что мне пришлось крутить головой, чтобы увидеть картину целиком. Я вспомнила о том, что Хелена категорически отказывалась помещать их в новые рамы, и подумала, сколь неразумным было это упрямство. Было совершенно очевидно, что произведения искусства в почти катастрофическом состоянии, и эту проблему, несомненно, надо было срочно решать. Я вздохнула про себя, вспомнив, что Финн сказал про «эксцентричный» характер двоюродной бабушки.

Я подошла к лестнице с тяжелыми балюстрадами. Мне вспомнилась комната с закрытой дверью, о которой Финн сказал, что когда-то она предназначалась для гостей и что я смогу использовать ее в том случае, если придется остаться в доме на ночь.

Казалось, прежняя отчаянная Элеонор подталкивала меня вверх по лестнице, переставляя по ступенькам мои ноги. Я же вовсе не нарушаю чужую территорию, убеждала я себя. Я просто хочу осмотреть комнату, в которой, возможно, придется ночевать.

Дверь в детскую Финна была открыта. Я остановилась перед ней, так как мое внимание привлекла большая спортивная сумка, стоявшая на полу. Полагаю, вполне естественно, что, гостя у родственницы, он спит в своей старой комнате, но при мысли о взрослом мужчине, спящем под бумажными звездами и планетами, я не могла сдержать улыбку.

Дверь в комнату, в которой, как сказал Финн, останавливалась Джиджи, также была распахнута. Я заглянула туда и увидела розовый чемоданчик с рисунком в виде балетных туфель, разбросанную по всей комнате одежду и живо представила Джиджи, спешащую нарядиться в купальный костюм – возможно, тоже розового цвета – после того, как отец сообщил ей, что они едут на пляж.

Не желая вторгаться на чужую территорию, я тем не менее постояла на пороге, оглядывая комнату. Она была обставлена со вкусом – там стояла двуспальная кровать с высоким изголовьем из темного дерева, на которой лежал аккуратно сложенный плед в яркую клетку. Плете-

ный ковер тех же цветов покоился на деревянном полу с широкими половицами, а на угловых окнах висели белые ажурные занавески.

Потом я направилась в гостевую комнату и осталась ею вполне довольна, несмотря на некий налет старомодности. Там была отдельная ванная, и в целом комната выглядела вполне комфортабельно. Я поняла, что если когда-нибудь придется задержаться на ночь, мне там будет весьма уютно.

Я закрыла дверь и направилась по коридору к лестнице, мысленно уже готовясь к просмотру «Взгляда», или какое там еженедельное телешоу любила смотреть Тери Уэбер, но невольно замедлила шаг перед дверью последней комнаты. Я помнила слова Финна о том, что это была спальня Бернадетт и что Хелена не желала, чтобы туда кто-либо заходил. Интересно, почему? И почему Хелена так упорно настаивала, чтобы я покинула дом? Та часть моей личности, которая испытывала нездоровую страсть к мистическим сериалам, идущим, как правило, в ночное время, не могла остаться равнодушной к тайне, скрывающейся за закрытой дверью в спальню сестры хозяйки дома.

Во мне снова ожила прежняя Элеонор – я просто явственно ощущала, как эта неугомонная особа толкает мою руку к ручке двери, и, как бы нехотя повинуюсь, невольно коснулась ее. Удивительно, но дверь оказалась не запертой, и ручка легко повернулась в моей руке. Прежде чем голос рассудка смог остановить меня, я толкнула дверь и обнаружила, что стою на пороге спальни Бернадетт.

Некоторое время я с удивлением разглядывала ее. У меня даже закралась мысль, что кто-то уже побывал здесь и забрал все личные вещи Бернадетт, потому что там не осталось никаких следов ее пребывания. Даже на кровати не было матраса и постельного белья. Однако, когда мой взгляд блуждал по этой по-спартански обставленной комнате, я вдруг заметила пару домашних тапочек бежевого цвета на ковре у односпальной кровати, щетку для волос и расческу на комодике между двумя окнами. Пустой стакан с белым налетом испарившейся воды стоял на самом краю тумбочки, куда его, очевидно, когда-то поставила сама хозяйка комнаты.

У дальней стены я увидела небольшой туалетный столик без зеркала. На его полированной поверхности стояла плетеная тарелочка из стеблей зубровки, в которой лежали четки из черного оникса, свернутые кольцами, словно змея. За тарелочкой находилась корзинка из того же материала, по форме напоминающая невысокую погребальную урну, с крышечкой, увенчанной набалдашником в виде желудя. *Хранитель тайн.*

Я сделала три шага вперед, чувствуя себя, словно Алиса в кроличьей норе, и пытаюсь понять, что же все-таки странного было в этой комнате. Я медленно повернулась, внимательно разглядывая обычную металлическую односпальную кровать с простеньким распытием, висевшим над ней на стене. И тут я поняла – помимо распытия, на стенах ничего не было.

Я приблизилась вплотную к стене за кроватью и увидела характерные прямоугольные следы, которые при ближайшем рассмотрении обнаружили и на других стенах. Но в столовой и гостиной дыры от гвоздей были тщательно заделаны, чтобы не привлекать внимание. Здесь же дырки от гвоздей были неровными и зияли на стенах, словно рамки грубо срывали со стен, прилагая немалые усилия.

Я потеряла одно из отверстий подушечкой большого пальца, заметив, что при этом крошки штукатурки и чешуйки краски, прилипшие к коже и падающие на пол, совсем свежие, словно стены были повреждены недавно. Вытирая руки о юбку, я отвернулась от стены. Напротив кровати стоял высокий старинный платяной шкаф, в замочной скважине на его двери торчал позолоченный ключик. Даже не задумываясь о том, что делаю, я пересекла комнату и открыла дверцу шкафа.

В нос сразу же ударил тяжелый запах нафталина, и я отпрянула назад. Судорожно вдохнув свежий воздух, я снова приблизилась к шкафу, чтобы лучше рассмотреть его содержимое. Внутри висели четыре юбки, одно платье и шесть блузок. Я рассматривала их, пытаюсь

понять, действительно ли это был весь гардероб Бернадетт или же Финн ошибался насчет того, что в этой комнате все оставалось в прежнем виде. Я посмотрела на дно шкафа и обнаружила одну-единственную пару черных туфель на низком каблуке и синие кеды, к краю резиновой подошвы которых прилипли несколько песчинок.

В верхней части шкафа, над штангой для вешалок, я обнаружила две небольшие зеркальные дверцы и, не удержавшись, вытянула руку вверх и подергала за небольшую круглую ручку. Присмотревшись, я заметила крошечную замочную скважину на одной из зеркальных дверей, но ключа в ней не было. Я подергала за ручку сильнее, сама не понимая, зачем это делаю. В этой комнате было нечто странное, и еще до своей попытки открыть эту дверцу я уже знала, что она заперта.

– И что это вы тут делаете?

Я быстро отскочила от шкафа, похолодев от ужаса. Резко обернувшись, я увидела стоящего на пороге Финна, лицо которого оставалось бесстрастным, но взгляд был жестким и напряженным.

Словно вернувшись из путешествия в кроличью нору, я внезапно услышала раскаты грома и увидела, что по окнам хлещет дождь. От Финна пахло лосьоном для загара, на нем были надеты футболка и плавки и при этом кожаные туфли, и у меня мелькнула мысль, что, по крайней мере, хоть что-то в его совершенно новом для меня облике было узнаваемым.

Я вдруг осознала, что стою, уставившись на полуголового босса, крепко прижимая ладонь к груди, словно пытаюсь унять бешеное биение сердца.

– Прошу прощения, – сказала я дрогнувшим от волнения и раскаяния голосом. – Я ждала, когда проснется мисс Хелена, и решила побродить по дому. Я вовсе не хотела проявлять излишнее любопытство.

Он несколько мгновений смотрел на меня с непонятным выражением лица, а потом повторил те же слова, что произнес, когда я впервые приехала сюда:

– Это комната Бернадетт. У нас не принято заходить сюда.

Он отступил от двери, а я пронеслась мимо него в коридор, как нашкодившая школьница, застигнутая строгим преподавателем на месте преступления. Я не смотрела на него, пока не услышала звук закрывающейся двери.

– Извините еще раз, – пролепетала я, чувствуя, как горят мои щеки. – Я просто искала комнату для гостей, где я могла бы остаться в случае необходимости.

Он прервал мои жалкие попытки оправдаться.

– Тетуска Хелена проснулась. Там с ней Джиджи, но, боюсь, разговор у них несколько односторонний. Надеюсь, вы спуститесь вниз и побудете с ней некоторое время, пока сестра Уэбер приготовит для нее обед. – Он помолчал немного, а потом неожиданно мягко сказал: – Вы – единственный человек, который вызвал у нее хоть какую-то реакцию с тех самых пор, как она после больницы вернулась домой. Думаю, это очень хороший знак.

Я вспомнила разговор со старухой во время последнего визита и поняла, что не особо стремлюсь повторить этот опыт. Но потом я подумала о Еве и Глене и отбросила сомнения, зная, что на свете есть вещи гораздо хуже, чем общение с пожилой дамой, желающей от меня отделаться.

– Конечно, – сказала я. – Именно для этого я сюда и приехала.

Я спускалась по лестнице, Финн шел за мной, и я чувствовала его пристальный взгляд на своей спине. Когда мы оказались в холле, он вдруг сказал:

– Мне было очень приятно познакомиться с членами вашей семьи.

– Неправда. – Слова слетели с моего языка прежде, чем я смогла их остановить.

Но он словно не заметил, как бестактно я его прервала, и спокойно продолжил:

– Дело в том, что когда-то я уже имел удовольствие встречаться с Евой, но не думаю, что она меня вспомнила.

– Поверьте, Ева ничего никогда не забывает. – Я прикусила язык, поняв, что меня заносит куда-то не туда. Отец учил меня быть всегда доброжелательной к людям, но при этом никогда не кривить душой. Может быть, соленый воздух океана напомнил мне о девчонке, которая так старалась следовать его советам и во всем брать с него пример?

Финн покачал головой.

– Да нет, вполне вероятно, что она намеренно вытеснила это из своего сознания.

Я нахмурилась и, обернувшись, в упор взглянула на него.

– Что вы имеете в виду?

– Это было после воскресной службы в церкви, когда мы были еще детьми. Я пришел туда в сопровождении тетюшек, а вы и ваша сестра были с родителями. На Еве было нелепое платье лилового цвета с невероятным количеством бантов и рюшечек. Это было как раз после того вечера, когда я слушал, как вы играли на пианино, и тетюшка Бернадетт показала мне вас, сказав, что это и есть та самая пианистка. Вы с семьей проходили мимо нас, и я решил, что надо бы с вами познакомиться, но, когда я к вам повернулся, Ева встала передо мной, загораживая путь, и назвала мне свое имя. Я вовсе не хотел проявлять невоспитанность, но вы уже направлялись к группе друзей, а мне хотелось догнать вас раньше, чем вы к ним подойдете.

Он пожал плечами, смущаясь, как мальчишка, и я подумала, что он никогда не позволил бы себе этот жест, если бы был в своем обычном строгом костюме.

– Поэтому я проигнорировал ее и слегка, так сказать, отстранил, чтобы успеть догнать вас. Но было уже слишком поздно. Когда я повернулся к Еве, чтобы извиниться, она выглядела такой расвирепевшей, что я притворился, будто просто не заметил ее, и прошел мимо, напрямик к тетюшкам. Мне было ужасно стыдно, и тогда я решил, что обязательно разыщу ее в следующее воскресенье, чтобы извиниться, но больше никогда не видел вас в церкви.

Я, конечно, совершенно этого не помнила, разве что платье Евы. Последний раз она надевала его на поминальную службу в память об отце, потому что оно было новое и самое ее любимое.

– Мама перестала водить нас в церковь после гибели отца, а потом мы переехали, – просто сказала я, пытаясь изобразить улыбку, хотя мне было отнюдь не весело. – Пойдемте посмотрим, как там дела у вашей тети и Джиджи.

Я направилась было в сторону кухни, но он схватил меня за руку:

– Не говорите о том, что входили в комнату Бернадетт. Тетя Хелена будет ужасно расстроена, если узнает, что вы там были.

– Разумеется, – сказала я, поворачиваясь в сторону коридора. Я слышала за спиной его шаги по деревянному полу. Из головы не выходили запертые дверцы в шкафу. Я просто не могла отделаться от мысли, что стремление держать двери комнаты покойной закрытыми объяснялось не только сентиментальностью обитателей дома.

Хелена

Когда Женевьева появилась на свет, мы с Бернадетт стояли, держась за руки, над ее плетеной кроваткой, в полном восхищении от прелестного младенца с бело-розовой кожей, и почему-то испытывали облегчение, что это не мальчик, который напоминал бы нам о другом ребенке. Даже божья кара не может быть столь жестокой.

Нам совсем не нравились ни мать малышки – Харпер, ни нелепое французское имя, которое она для нее выбрала. Но все это не могло омрачить наше ликование при виде этого торжества жизни, свидетельства расположения Божественного провидения, которое наконец-то снизошло до того, чтобы пожалеть нас. По крайней мере, так думала Бернадетт. Я лишь затаила дыхание в тревожном ожидании. Когда Женевьева заболела, я снова почувствовала, как пальцы бога сжимаются на моей шее, и тщетны все попытки избежать наказания. А когда умерла Бернадетт, я поняла, что еще не до конца расплатилась за грехи.

Я закрыла глаза, слушая беспечное щебетанье Женевьевы. Она, как и большинство американцев, говорила так быстро, что я понимала лишь половину. Впрочем, можно было и не прислушиваться – она болтала о том же, о чем девочки во всем мире говорят по телефону с подружками или в спальне с сестренкой.

Милая болтовня была так знакома, что действовала на меня почти успокаивающе, даже несмотря на то, что вызывала в памяти зимние утренние часы в Будапеште, когда мы с Бернадетт лежали в насквозь промерзшей комнате и при дыхании у нас изо рта шел пар. У меня заболела голова, и все, что мне хотелось, – это взять Джиджи за ручку и снова уснуть. Я была бы счастлива, если бы могла умереть таким образом – просто уснуть в обществе невинного ребенка. Но я знала, что не заслужила такую благодатную смерть.

– Тетя Хелена? Тут Элеонор пришла вас навестить, – объявил с порога Финн.

Джиджи спрыгнула с края кровати.

– А я называю ее Элли. Если ты ее вежливо попросишь, то она и тебе разрешит так себя называть.

Элеонор слегка поморщилась, когда Джиджи произнесла «Элли». Я, возможно, этого и не заметила бы, если бы не смотрела на нее так пристально, удивленная ее бледностью и расширенными то ли от страха, то ли от шока глазами. Было такое впечатление, будто она только что увидела привидение.

– Элли, – произнесла я лишь для того, чтобы снова увидеть ее реакцию, но на сей раз мне не удалось застать девушку врасплох, и она просто улыбнулась в ответ. Я не знала, почему мне так хотелось сыпать соль на ее раны. Может быть, потому, что я была раздражена ее присутствием здесь и воспринимала ее как препятствие моим попыткам свести счеты с жизнью. Или, может быть, потому, что я старая женщина и у меня просто нет времени терпеливо копаться в чьей-то душе, чтобы рассмотреть, что там на самом деле прячется. А скорее всего, я просто хотела сделать так, чтобы у нее самой не возникло желания влезать мне в душу.

– Можете называть меня Элли, если хотите, – сказала она, как будто я спрашивала у нее разрешения на это.

– Нет уж, увольте, – сказала я. – Элли – это имя для хорошенькой молоденькой девушки. Я, пожалуй, буду называть вас Элеонор. – Я нахмурилась и посмотрела на нее. – Значит, вы все-таки вернулись.

– Конечно. Я же сказала, что вернусь, а я привыкла выполнять обещания.

– Неужели? – спросила я, думая, что, может быть, уже поздно и она разглядела зияющую дыру на том месте, где когда-то у меня было сердце. – Ну, это не такое уж достоинство, как вы все думаете.

Тут в разговор вмешался Финн:

– Мы с Джиджи сейчас пойдем наверх и переоденемся после купания. Оставлю вас одних, чтобы вы обсудили, чем хотите заняться сегодня.

Он с надеждой улыбнулся, словно не был крупным специалистом по инвестициям, который должен бы понимать, что капиталовложения окупаются не за день или два, на это требуются долгие годы. В ответ я лишь многозначительно посмотрела на него.

– Все будет в порядке, – сказала Элеонор, как будто тоже в это верила.

Когда они удалились, я сосредоточила все внимание на девушке, хотя, полагаю, это скорее была молодая женщина. Впрочем, в мои девяносто лет любая женщина моложе меня казалась мне девчонкой.

– И кто же называл вас Элли?

На этот раз мне удалось застать ее врасплох, лицо ее болезненно скривилось.

– Отец.

Ага, вот оно что.

– И он, наверное, умер, когда вы были еще маленькой?

Она некоторое время молчала.

– Откуда вы знаете?

Я вздохнула.

– Все признаки налицо.

Она посмотрела на меня своими грустными светло-голубыми глазами.

– Отец погиб, когда мне было четырнадцать.

– И что с ним случилось?

Девушка встала и принялась взбивать подушку за моей головой.

– Утонул во время шторма. Он занимался ловлей креветок на Эдисто.

– А ваша мать?

Когда она склонилась надо мной, я почувствовала едва уловимый аромат. Когда-то у меня было очень острое обоняние, и его постепенная потеря стала красноречивым свидетельством того, что я неумолимо старею. И все же иногда мне удавалось уловить запахи, которые, словно ниточка, связывали отдельные воспоминания вместе. Она пахла мылом, а волосы ее отдавали соленой водой прибрежных болот, и я решила, что она, видимо, ехала сюда, опустив окна машины. Бернадетт тоже любила так делать, и если закрыть глаза, то можно было представить, что это она склоняется надо мной и волосы ее пахнут океанской солью и травами.

– Она живет в Северном Чарльстоне вместе с моей сестрой Евой и ее мужем Гленом. Ева и Глен в начале следующего года ожидают своего первого ребенка.

В голосе чувствовалось странное напряжение, поэтому я усилием повернула шею, чтобы получше рассмотреть ее лицо, но в этот момент она занималась тем, что пыталась отдернуть шторы на окне, как будто сестра Уэбер уже не сделала это. Я бы хотела продолжить копаться у нее в душе, но она удивила меня тем, что опередила мои намерения.

– Расскажите о ваших родителях. Они переехали сюда из Венгрии вместе с вами и вашей сестрой?

– Нет, – ответила я. – Отец застрелился, когда мы с сестрами были еще совсем маленькими.

Я ждала от нее слов сочувствия, но вместо этого она спросила:

– А ваша мать?

– Мать умерла еще до того, как мы переехали в Америку к нашей старшей сестре Магде. Та поступила очень мудро и еще до войны вышла замуж за американца.

Элеонор снова села рядом с кроватью и положила руки на видневшиеся из-под юбки обнаженные колени. Пальцы ее были длинными и бледными – несомненно, пальцы пианистки, – а ногти не были покрыты лаком. Моя мать была бы в ужасе от такой небрежности,

но я нашла, что Элеонор это даже идет. Мне могла бы понравиться эта девочка – то есть женщина, – если бы в самом ближайшем будущем я не собиралась умереть.

Постучав пальцами по коленям, она спросила:

– Чем бы вы хотели заняться сегодня? Финн сказал, что вам нравится читать книги. Может быть, мне вам почитать? И я знаю, что вы любите музыку. У меня коллекция классических музыкальных произведений на планшете, я захватила портативные наушники на тот случай, если вы захотите послушать. А потом мы можем обсудить ваши впечатления. Я могу попросить Финна привезти DVD-плеер, и мы посмотрим какие-нибудь кинофильмы, если по телевизору не показывают ничего интересного. Или можно просто поговорить.

Она выжидающе уставилась на меня.

Я чуть не расплылась в улыбке. Было совершенно очевидно, что ей и раньше приходилось заботиться о людях, и она ставит потребности других превыше своих собственных. Но еще я почувствовала, что это дается ей нелегко. Она словно натянула на себя эту роль, как маленькая девочка носит платья матери, которые ей велики и совсем не подходят по стилю. Полагаю, я сумела распознать в ней это, так как сама почти семьдесят лет носила подобный маскарадный костюм. Я откинула голову на подушку и расслабилась, мечтая, чтобы скорее появилась сестра Уэбер или вернулись Финн с Джиджи. Эта Элеонор слишком рвалась отбросить свою жизнь и примерить на себя мою.

– Если решите поговорить, нам надо сразу определить, какие темы не следует затрагивать, – сказала я.

Она нахмурилась, и мне невольно захотелось приложить большой палец к складке между ее бровями, как делала моя мать, чтобы напомнить, что от этого образуются морщинки.

– Я не собираюсь задавать вопросы, касающиеся вашей личной жизни, мисс Жарка...

– Речь вовсе не обо мне. Мне показалось, что это вы не хотите, чтобы я касалась некоторых тем.

Этот ход давал ей передышку. Но как ни странно, она не сдалась и продолжала:

– Можете спрашивать меня о чем угодно. Думаю, никакие вопросы с вашей стороны не заставят меня отказаться от этой работы.

– Если вы так нуждаетесь в деньгах, давайте я вам просто заплачу, и это избавит нас обоих от лишних хлопот.

Она посмотрела на меня в упор, и в ее глазах я заметила яростный блеск.

– Мне платят за определенную работу, мисс Жарка, и я не нуждаюсь в вашей благотворительности. Но вы угадали, эта работа мне действительно нужна, поэтому давайте попытаемся договориться еще раз. Чем бы вы хотели заняться сегодня?

Я перевела взгляд на ее пальцы, которые настукивали мелодию на коленях, снова обратив внимание на коротко стриженные ногти, и вспомнила, как в последний раз, когда мы виделись, она сказала, что Шопен вызывал у нее воспоминания об отце.

– Ведь ваш любимый композитор Шопен, верно?

Она кивнула, поглядывая на меня с опаской.

– А что именно вы любите из Шопена? Мазурки?

– Нет. – Она медленно покачала головой. – Ноктюрны.

– О да, – сказала я. – Они такие меланхоличные и в то же время страстные. Только Шопен может одновременно пробуждать такие противоречивые эмоции.

Мои веки невольно опустились – я вдруг почувствовала себя очень слабой и усталой. Меня, верно, так утомили попытки уговорить девушку оставить меня в покое, уехать и больше никогда не возвращаться... С трудом открыв глаза, я устало произнесла:

– Я хочу, чтобы вы мне кое-что сыграли. Ноктюрн до минор. Номер двадцать один, посмертное сочинение Шопена. Вы его знаете?

Она ответила не сразу.

– Да. Это любимое произведение отца. Мне никогда не удавалось сыграть его так, как это делал он. – Она сглотнула, словно пытаясь остановить слова, которые ей хотелось сказать.

– Некоторые считают, что он навевает грусть. Но мне он нравится, и я хочу, чтобы вы сыграли его для меня. Прямо сейчас. Боюсь только, что вы откажетесь, потому что это наверняка вызывает воспоминания об отце. Впрочем, я это пойму. В этом случае придется попросить Финна подыскать кого-нибудь более покладистого, кто будет выполнять все мои просьбы.

Призвав последние силы, я изобразила улыбку и снова закрыла глаза. Я ждала, что услышу звук отодвигаемого стула и ее шаги, когда она будет выходить из комнаты. Но вместо этого я почувствовала ее теплое дыхание на своей щеке, и она произнесла прямо мне в ухо:

– Если вы хотите, чтобы я сыграла вам ноктюрн Шопена, я это сделаю. Это, конечно, будет означать, что я прошла испытание и остаюсь здесь независимо от ваших прихотей. Не представляю, почему вы так хотите избавиться от меня, но твердо намерена это узнать. А между делом я буду исполнять для вас этого чертова Шопена, а вы будете есть свой обед, и покончим с этим.

Я распахнула глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как она встает, а затем придвигает стул к кровати. Лишь побелевшие костяшки пальцев, лежащих на спинке стула, выдавали ее истинные чувства.

– Я буду вам играть, пока вы едите, а когда вы закончите обедать, мы обсудим, чем вы хотите заняться в оставшуюся часть дня. От вас вовсе не требуется испытывать ко мне симпатию, да и я, уж будьте уверены, от вас не в восторге, но это отнюдь не причина для того, чтобы вести себя нецивилизованно по отношению друг к другу. Мне позарез нужна эта работа, а вы, надеюсь, не против того, чтобы Финн был доволен. И давайте покончим с этим раз и навсегда.

И покончим с этим раз и навсегда. Я снова закрыла глаза, но не потому, что устала или не хотела ее видеть. Я закрыла их, потому что ее голос так был похож на голос Бернадетт, что мне просто захотелось поверить, что это моя сестра стоит так близко ко мне и отчитывает меня за недостойное поведение, которое наша мать никогда бы не одобрила.

Отвернув голову к стене, чтобы скрыть слезы, которые вот-вот готовы были политься ручьем, я произнесла:

– В таком случае идите и играйте. Я хочу послушать Шопена.

Она замерла на месте и стояла так довольно долго, но я не доставила ей удовольствия и не повернулась, чтобы посмотреть ей в глаза. В конце концов она сказала:

– Я вам очень сочувствую по поводу смерти сестры. Было время, когда я точно так же страдала бы, если бы Ева умерла. Я знаю, что такое истинное горе, и так же скорблю по отцу сейчас, как и в день его гибели. Мне кажется, так будет всю жизнь.

Ее шаги удалились, а я лежала, уставившись в стену, и гадала, что же она имела в виду, говоря о сестре, и, как ни странно, очень надеялась, что она действительно вернется.

Глава 11

Элеонор

Все плыло перед моими глазами, когда я медленно шла в музыкальную комнату. Я застыла на ее пороге и стояла там, уставившись в темноту, в самом центре которой проступал силуэт инструмента. Я включила свет... хрустальная люстра заиграла разноцветными огнями, отражающимися в полированном верхнем щите великолепного рояля из черного дерева.

Я представила, как вредная старуха лежит в постели, желая услышать ноктюрн Шопена, который в этой темной, пыльной комнате будет исполнять девчонка, игравшая на протяжении последних безрадостных лет лишь популярные мелодии в барах. Наверное, Хелена не сомневалась, что на этом я сломаюсь, подниму руки вверх, признавая поражение, и уйду навсегда. Я мало что знала о ее жизни и причинах такого безжалостного ко мне отношения, но еще меньше она знала обо мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.